

ТЭД УИЛЬЯМС

СКАЛА ПРОЩАНИЯ

ТОМ 2

ПАМЯТЬ,
СКОРБЬ
И ШИП
КНИГА ВТОРАЯ

Fantasy World. Лучшая современная фэнтези

Тэд Уильямс

Скала Прощания. Том 2

«ЭКСМО»

1990

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Уильямс Т.

Скала Прощания. Том 2 / Т. Уильямс — «Эксмо»,
1990 — (Fantasy World. Лучшая современная фэнтези)

ISBN 978-5-04-167816-6

Культовая трилогия «Память, Скорбь и Шип» Зима, вызванная злой магией Инелуки, Короля Бурь, ворвалась в Светлый Ард. Когда-то поваренок, а теперь победитель дракона, Саймон и его друг Бинабик несут один из трех легендарных мечей принцу Джошуа. На их пути через земли кануков и ситхи ждут испытания и смертельные ловушки. Принц Джошуа с маленьким отрядом, потерпев поражение при Наглимунде, бежит от норнов через луга тритингов. Дочь вероломного короля Элиаса, Мириамель пытается скрыться от отца. Их дороги сходятся у Скалы Прощания, увиденной в пророческих снах. Второй том романа «Скала Прощания». «В этом панорамном, энергичном и часто волнующем продолжении "Трона из костей дракона" Уильямс искусно сплетает воедино истории путешествия героев, предвещая эпическое и славное завершение». — Publishers Weekly «Фэнтезийный эквивалент "Войны и мира"». — Locus

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-167816-6

© Уильямс Т., 1990

© Эксмо, 1990

Содержание

Часть вторая. Рука бури	6
Глава 14. Корона огня	6
Глава 15. За Божественными стенами	21
Глава 16. Бездомные	35
Глава 17. Незначительная ставка	55
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Тэд Уильямс

Скала Прощания. Том 2

Tad Williams

STONE OF FAREWELL

Book Two of Memory, Sorrow and Thorn

Copyright © 1990 Tad Williams by arrangement with DAW Books, Inc.

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Часть вторая. Рука бури

Глава 14. Корона огня

Саймон сразу понял, что это сон, который начался самым обычным образом: он лежал на огромном сеновале Хейхолта, спрятавшись в щекочущей соломе и наблюдая за знакомыми фигурами Шема Конюха и кузнеца Рубена Медведя, о чем-то тихо беседовавших внизу. Рубен, чьи мощные руки блестели от пота, колотил молотом по раскаленной докрасна подкове.

Внезапно сон изменился: он больше не узнавал голоса Рубена и Шема, да и сами они стали совсем на себя не похожи. Теперь Саймон прекрасно слышал, о чем они разговаривали, молот кузнеца ударял по сияющему железу бесшумно.

– ... Я же сделал все, что ты просил, – неожиданно заявил Шем незнакомым хриплым голосом. – Я привел к тебе короля Элиаса.

– Ты слишком много на себя берешь, – ответил Рубен. Саймон никогда не слышал этого голоса – холодного и отстраненного, точно ветер на высоких горных перевалах. – Ты ничего не знаешь о наших желаниях... о том, чего хочет Он. – С самим кузнецом было что-то не так, не только с его голосом: от него исходило нечто неправильное, словно черное бездонное озеро, скрытое под тонкой коркой льда.

Как Рубен мог казаться таким злым, даже во сне – добрый Рубен с его медленной речью?

На морщинистом лице Шема появилась радостная улыбка, но голос звучал напряженно.

– Мне все равно, – сказал Шем. – Я сделаю все, что Он пожелает. А в ответ я прошу совсем немного.

– Ты просишь больше, чем любой другой смертный, – ответил Рубен. – Ты не только осмелился призвать Красную руку, ты безрассудно требуешь одолжений. – Его голос был холодным и равнодушным, как могильная земля. – Ты даже не понимаешь, о чем просишь. Ты ребенок, священник, и хватаешься за блестящие вещи, потому что они кажутся тебе красивыми. Но ты ведь можешь пораниться обо что-то острое и умереть от кровотечения.

– Мне все равно. – Шем говорил с упрямством безумца. – Мне все равно. Научи меня Словам Изменения. Темный мне должен... он обязан...

Рубен закинул голову назад и дико расхохотался.

– Обязан? – выдохнул он, его веселье производило ужасающее впечатление. – Наш хозяин? Тебе? – Он снова рассмеялся. Неожиданно кожа кузнеца начала покрываться волдырями. Облачка дыма поднимались вверх по мере того, как сгорала плоть Рубена, постепенно открывая ядро пульсирующего пламени, так меняется красный цвет догорающих углей под порывами ветра. – Ты доживешь до Его окончательного триумфа. Это уже само по себе награда, о которой не могут мечтать смертные!

– Пожалуйста! – Рубен продолжал пылать, а Шем начал съеживаться, точно маленький сожженный пергамент серого цвета. Его крошечная рука метнулась в сторону и рассыпалась в прах. – Пожалуйста, бессмертный, пожалуйста. – Его голос стал странно легким, полным лукавства. – Больше я ни о чем не попрошу – и не стану более говорить о Темном. Прости смертного глупца. Научи меня Слову!

Теперь на том месте, где стоял Рубен, горело живое пламя.

– Хорошо, священник. Быть может, нет особого риска в том, чтобы дать тебе опасность, но последнюю игрушку. Властелин Всего очень скоро вернет себе мир – ты не сможешь сделать ничего такого, чего он не сумел бы себе вернуть. Хорошо. Я научу тебя Слову, но боль будет велика. За всякое Изменение следует платить. – И вновь в его неземном голосе послышался смех. – Ты будешь кричать...

– *Мне все равно!* – ответил Шем, и его пепел погрузился в темноту, как и вся кузница, а потом и сеновал. – *Мне все равно! Я должен знать!..* – Наконец даже сияющее существо, бывшее Рубеном, стало лишь яркой точкой во мгле... звездой...

Саймон проснулся, задыхаясь, как тонущий человек, сердце отчаянно колотилось у него в груди, а над головой сияла единственная звезда, которая заглядывала в дыру, что находилась в верхней части их убежища, точно сине-белый глаз. Саймон вскрикнул.

Бинабик, который не совсем проснулся, поднял голову с мохнатой шеи Кантаки.

– Что-то случилось, Саймон? – спросил он. – Тебе приснился пугающий сон?

Саймон покачал головой. Прилив страха слабел, но он не сомневался, что это не обычные ночные фантазии. У него возникло ощущение, что разговор проходил где-то рядом и его спящий разум ловко впледел его в свой сон – реальное событие, с ним случалось такое множество раз. Станным и пугающим был лишь один факт: Слудиг храпел, а Бинабик явно только что проснулся.

– Так, ерунда, – ответил Саймон, стараясь, чтобы его голос звучал ровно.

Он осторожно пробрался к передней части навеса, ощущая синяки, оставшиеся после вечерней тренировки со Слудигом, и выглянул наружу. У первой звезды теперь появилась многочисленная компания – россыпь крошечных белых светлячков, разбросанных по всему ночному небу. Быстрый ветер унес тучи, ночь выдалась ясной и холодной, и со всех сторон их окружали просторы Белой Пустоши. И нигде в свете луны цвета слоновой кости он не видел живых существ.

Значит, это всего лишь сон о том, как старый Конюх Шем мог бы разговаривать с Рубеном Медведем хриплым голосом Прайрата, а Рубен Медведь говорил погребальным голосом пустоты на живой земле Господа...

– Саймон? – сонно спросил Бинабик. – Ты?..

Саймон был напуган, но раз уж он стал мужчиной, ему не следовало обращаться за помощью всякий раз, когда ему снился плохой сон.

– Ничего страшного. – Саймон, дрожа, забрался под свой плащ. – Я в порядке.

«Но их разговор казался таким реальным. – Ветки их хрупкого убежища закрипели под порывами ветра. – По-настоящему реальным. Словно они беседовали у меня в голове...»

Следуя обрывкам послания, которое принес серебристый воробей, они пустились в путь с рассветом, стараясь опередить приближавшуюся бурю. Тренировки Саймона со Слудигом теперь проходили после заката, в свете костра, у него совсем не оставалось времени побыть одному до того момента, как его сморит сон, а уставшее тело начинало просить покоя. Так продолжалось в течение всех следующих дней, снова и снова: бесконечные холмистые поля, покрытые снегом, темные контуры низкорослых деревьев, упрямый ветер, вызывавший онемение. Саймон радовался, что его борода становилась все гуще: без нее, часто думал он, ветер сорвал бы с него кожу до самых костей.

Складывалось впечатление, что ветер уже разровнял лицо земли, почти не оставив ничего заметного или запоминающегося. Если бы не постоянно расширявшаяся линия леса на горизонте, он мог бы подумать, что каждое утро они просыпаются в одном и том же холодном открытом месте. С грустью вспоминая свою теплую постель в Хейхолте, Саймон решил, что, даже если сам Король Бурь перебрался в замок вместе со своими многочисленными, как снежинки, приспешниками, он мог бы счастливо жить в комнате для слуг. Саймон отчаянно хотел вернуться домой и был близок к тому, чтобы согласиться на матрас в аду, если дьявол одолжит ему подушку.

Шли дни, буря продолжала расти у них за спиной, и черная колонна угрожающе росла на северо-западном небе. Огромные руки туч цеплялись за небесный свод, словно ветви огромного дерева. Между ними мерцали молнии.

– Она двигается не слишком быстро, – однажды заметил Саймон, когда они поглощали скромную полуденную трапезу.

Его голос дрожал, и ему это совсем не понравилось.

Бинабик кивнул.

– Она растет, но распространяется медленно, – согласился тролль. – За это нам следует благодарить богов. – На его лице появилось неожиданно безнадежное выражение. – Чем медленнее она движется, тем дольше находится не над нами – но когда она до нас доберется, то принесет с собой тьму, которая не уйдет, как бывает с обычными бурями.

– Что ты хочешь сказать? – спросил Саймон, у которого заметно дрожал голос.

– Это не просто буря со снегом и дождем, – осторожно заговорил Бинабик. – Мне кажется, ее задача состоит в том, чтобы приносить с собой страх. Она взяла свое начало в Стормспайке и выглядит, как нечто противоестественное. – Он с извиняющимся видом развел руки в стороны. – Буря приближается, но, как ты сказал, не слишком быстро.

– Мне известно о таких вещах, – вмешался Слудиг, – но, должен признаться, я очень рад, что мы скоро покинем Пустоши. – Он посмотрел на юг и прищурился. – Через два дня мы доберемся до Альдхорта. Там у нас появится надежда найти защиту.

Бинабик вздохнул.

– Надеюсь, ты прав, но я боюсь, что для защиты нам потребуется кое-что побольше, чем лесные деревья или крыша.

– Ты имеешь в виду мечи? – тихо спросил Саймон.

Троль пожал плечами.

– Может быть. Если мы найдем все три, возможно, зиму можно будет держать на расстоянии копья – или даже оттолкнуть еще дальше. Но сначала мы должны попасть туда, куда нас отправила Джелой. В противном случае нам останется лишь тревожиться о вещах, которые неспособны изменить, а это глупость. – Он вымученно улыбнулся. – «Когда ты лишаешься зубов, – так говорят кануки, – научись любить кашу».

На следующее утро, седьмое в Пустошах, выдалась ужасная погода. Хотя буря на севере все еще оставалась чернильным пятном на далеком горизонте, стальные серые тучи с изорванными поднявшимся ветром краями собрались у них над головами. К полудню, когда солнце исчезло за темной пеленой, начался снегопад.

– Это ужасно, – закричал Саймон, прищурившись, чтобы защитить глаза от ледяного дождя. Несмотря на толстые кожаные перчатки, пальцы у него быстро онемели. – Мы же ничего не видим! Может, нам лучше остановиться и попытаться сделать какое-то укрытие?

Бинабик, маленькая, покрытая снегом тень на спине у Кантаки, повернулся и прокричал в ответ:

– Если мы пройдем еще немного, то окажемся на перекрестке дорог!

– На перекрестке! – воскликнул Слудиг. – Посреди пустынной местности?!

– Подъезжайте ближе, я объясню.

Слудиг и Саймон направили лошадей к продолжавшей идти вперед волчице. Бинабик поднес ладонь ко рту, но ветер все равно норовил унести его слова прочь.

– Я думаю, что где-то недалеко отсюда Старая дорога Тумет'ай встречается с Белым трактом, который начинается у северной границы леса. На перекрестке может находиться убежище, в любом случае ближе к лесу деревья там будут расти гуще. Давайте проедем еще немного. Если мы ничего не найдем, то просто разобьем лагерь.

– Но только если мы остановимся задолго до наступления темноты, тролль, – проревел Слудиг. – Ты умен, но этого может не хватить, чтобы разбить нормальный лагерь во время выюги. После того безумия, что мне довелось пережить и повидать, я совсем не хочу умереть в снегу, как заблудившаяся корова!

Саймон промолчал, сохраняя силы для того, чтобы полнее оценить ужас их положения. Эйдон, как здесь холодно! Неужели снег никогда не перестанет идти?

Они ехали дальше, а промозглый ледяной день продолжался. Кобыла Саймона еле брела, с трудом преодолевая свежие сугробы. Саймон наклонил голову поближе к гриве, пытаясь хоть как-то защититься от ветра. Мир казался бесформенным и белым, точно он находился в бочке с мукой, и лишь немногим более подходящим для жизни.

Солнце стало почти невидимым, но даже и оно быстро тускнело. Однако Бинабик, казалось, не собирался останавливаться. Когда они проезжали мимо еще одной не слишком привлекательной группы елей, Саймон больше не мог сдерживаться.

– Я замерзаю, Бинабик! – сердито начал он, стараясь перекричать ветер. – И становится темно! Мы миновали еще одну небольшую рощу и продолжаем ехать дальше. Ночь уже почти наступила! Клянусь Деревом, я дальше не поеду!

– Саймон... – прокричал Бинабик, пытаясь его успокоить.

– Там что-то на дороге! – хрипло проревел Слудиг. – *Ваэр!* Что-то впереди! Тролль!

Бинабик прищурился.

– Этого не может быть, – возмущенно прокричал он в ответ. – Ни один канук не будет настолько глуп, чтобы разгуливать в одиночку в такую погоду!

Саймон вглядывался в тусклую серую мглу впереди.

– Я ничего не вижу.

– Как и я. – Бинабик стряхнул снег с капюшона.

– Я что-то видел, – прорычал Слудиг. – Возможно, снег слепит меня, но я не безумен.

– Скорее всего, это животное, – сказал тролль. – Или, если нас покинула удача, разведчик копателей. Быть может, пришло время разбить лагерь и развести костер, как ты говорил, Саймон. Впереди я вижу деревья, которые станут для нас неплохим убежищем. Вон там, за холмом.

Спутники выбрали самое защищенное место из всех, что смогли найти. Саймон и Слудиг укладывали ветки между стволами, чтобы создать какую-то защиту от ветра, а Бинабик при помощи желтого огненного порошка сумел развести костер из влажного валежника и начал кипятить воду для бульона. Погода была настолько отвратительной и холодной, что после того, как они поели водянистого супа, все трое завернулись в плащи и, дрожа, улеглись. Ветер ревел так громко, что им приходилось кричать. Несмотря на близость друзей, Саймон оставался наедине с мрачными мыслями, пока не пришел сон.

Саймона разбудило жаркое дыхание Кантаки у лица. Волчица скулила и толкала его мощной головой, заставив перевернуться. Он сел, моргая под слабыми лучами утреннего солнца, с трудом пробивавшимися сквозь кроны деревьев. Вокруг наваленных ими веток вздымались сугробы – импровизированная стена защищала от ветра, и дым от костра Бинабика почти свободно поднимался вверх.

– Доброе утро, друг Саймон, – сказал Бинабик. – Мы пережили бурю.

Саймон аккуратно отодвинул в сторону голову Кантаки, волчица разочарованно фыркнула и отступила. На ее шерсти виднелись красные следы.

– Она чем-то встревожена все утро, – рассмеялся Бинабик. – Я думаю, что в снегу немало замерзших белок и птиц, упавших с деревьев, и она неплохо подкрепилась.

– А где Слудиг?

– Он пошел проверить лошадей. – Бинабик занялся костром. – Я убедил его отвести их вниз по склону холма, чтобы они не наступили на наш завтрак или тебе на лицо. – Он поднял миску. – Здесь остатки бульона. Сушеное мясо почти закончилось, так что советую насладиться тем, что у нас есть. Наши трапезы будут скудными, если мы станем рассчитывать только на охоту.

Саймон содрогнулся и вытер снегом лицо.

– Но разве мы не доберемся до леса в самом скором времени?

Бинабик терпеливо еще раз протянул ему миску.

– Все верно, но мы пойдем вдоль него и не станем углубляться в чащу. Конечно, это кружной путь, но он займет меньше времени, ведь так нам не придется продираться сквозь подлесок. Кроме того, едва ли мы найдем там много животных, которые не спят этим холодным летом в своих берлогах и гнездах. Вот почему, если ты не заберешь у меня бульон, я его выпью сам. Я, как и ты, не хочу умереть от голода, к тому же у меня больше здравого смысла.

– Извини. И спасибо тебе. – Саймон наклонился над миской, наслаждаясь запахом бульона перед тем, как его выпить.

– Ты можешь вымыть миску, когда закончишь, – фыркнул Бинабик. – Хорошая миска – это роскошь во время такого опасного путешествия.

Саймон улыбнулся.

– Ты говоришь, как Рейчел Дракониша, – заметил он.

– Я не встречал Драконишу Рейчел, – сказал Бинабик, вставая и отряхивая снег со штанов, – но если она о тебе заботилась, то наверняка отличалась невероятным терпением и добротой.

Саймон фыркнул.

Время близилось к полудню, когда они вышли на перекресток дорог. Над замерзшей землей выступал лишь высокий камень, похожий на костлявый палец. Серо-зеленый лишайник, казалось, неподвластный холоду, мрачно жался к нему.

– Старая дорога Тумет'ай идет через лес. – Бинабик указал на едва различимую тропу, оставшуюся от дороги, которая, петляя, уходила в сторону елей. – Из-за того что ее, как мне кажется, почти перестали использовать, весьма вероятно, что она заросла, поэтому нам лучше идти по Белому тракту. Возможно, там мы найдем пустые жилища, а в них какие-то припасы.

Белый тракт оказался более новой дорогой, чем древняя Тумет'ай. Здесь даже попадались недавние следы людей – сломанный и ржавый обод колеса, болтавшийся на придорожной ветке, куда его забросил разозленный владелец фургона; заостренная спица и колышек для палатки; круг потемневших от огня камней, наполовину присыпанных снегом.

– Кто здесь живет? И куда ведет дорога? – спросил Саймон.

– Когда-то к востоку от монастыря Святого Скенди было несколько поселений, – ответил Слудиг. – Помнишь Скенди – засыпанное снегом место, которое мы миновали по пути на драконью гору? Там даже находилось несколько городов – Совебек, Гринсэби и еще парочка, насколько я помню. Кроме того, я думаю, что сто лет назад люди путешествовали вдоль огромного леса, когда направлялись на север от тритингов, так что тут должны быть постоянные дворы.

– Век назад, – заговорил Бинабик, – по этой части мира много путешествовали. Мы, кануки, – ну, некоторые из нас – летом отправлялись дальше на юг, иногда даже добирались до границ нижних земель. Кроме того, повсюду можно было встретить странствующих ситхи. Лишь в последние печальные годы эти земли опустели.

– Да, здесь никого нет, – сказал Саймон. – Очень похоже, что тут просто невозможно жить.

Они ехали по извивавшейся дороге в течение всего короткого дня, постепенно деревьев становилось все больше, и скоро они уже двигались вдоль границы леса. Местами деревья так сильно приближались к дороге, что спутникам казалось, будто они вошли в Альдхорт, хотели они того или нет. Наконец они добрались до еще одного вертикального камня, одиноко стоявшего на обочине, но перекрестка им обнаружить не удалось. Слудиг спешил, чтобы внимательно осмотреть камень.

– Здесь руны, но они едва видны и сильно пострадали от ветра и погоды. – Он почистил камень от снега. – Похоже, тут говорится, что Гринсэби где-то рядом. – Он поднял голову и улыбнулся в замерзшую бороду. – Место, где можно найти несколько крыш, пусть ничего больше. Приятные перемены. – И Слудиг пружинисто вскочил в седло.

У Саймона также улучшилось настроение. Даже заброшенный город много лучше бесконечных холодных пустошей.

Он вдруг вспомнил слова песни Бинабика. *Вы скрылись в холодных тенях...* И неожиданно остро ощутил одиночество. Может быть, город не окажется заброшенным. Может быть, там есть постоянные дворы с камином и едой...

Пока Саймон мечтал об удобствах цивилизации, солнце окончательно исчезло за лесом, поднялся ветер и спустился северный сумрак.

Небо еще не потемнело, однако снег стал синим и серым, и тени сгущались, как на ткани, опущенной в чернила. Саймон и его спутники уже собрались остановиться и разбить лагерь и громко это обсуждали под монотонный шум ветра, когда перед ними появились первые строения Гринсэби.

Казалось, они твердо решили развеять самые скромные надежды Саймона, крыши брошенных домов провалились под тяжестью снега, за загонами и садами уже давно никто не ухаживал, повсюду виднелись доходившие до колен сугробы. Саймон видел так много опустевших городов в северной части страны, что не мог поверить, что во Фростмарше и Пустошах когда-то жили люди, как и в зеленых полях Эркинланда. Он скучал по родному городу, по знакомым местам и привычной погоде. Или теперь зима овладела всей страной?

Они ехали вперед, постепенно пустых домов по обе стороны дороги, которую Бинабик называл Белый тракт, становилось все больше. В некоторых даже сохранились следы обитателей: ржавый топор со сгнившей рукоятью возле чурбана для рубки дров перед засыпанной снегом входной дверью; метла, торчавшая из сугроба на обочине, точно флаг или хвост замерзшего животного, – но в основном жилища оставались пустыми и заброшенными, голыми, точно черепа.

– Где мы остановимся? – спросил Слудиг. – Боюсь, мы так и не найдем подходящей крыши.

– Вполне возможно, – ответил Бинабик, – нам стоит попытаться отыскать надежные стены.

Он собрался что-то добавить, но Саймон дернул его за рукав.

– Смотри! *Это* тролль! Слудиг был прав! – Саймон указал в сторону от дороги, где неподвижно стояла небольшая фигурка – и ветер трепал ее плащ.

Последние лучи солнца нашли щель в кронах деревьев за Гринсэби и осветили незнакомца.

– Я тоже его вижу, – сварливо проворчал Бинабик, с опаской смотревший на незнакомца. – Но это не тролль!

Фигурка в тонком плаще с капюшоном, замершая у дороги, была совсем маленькой. Голая голубоватая кожа виднелась там, где короткие штаны не доходили до голенищ сапог.

– Это маленький мальчик. – После такого уточнения Саймон направил свою лошадь к обочине дороги. Его спутники последовали за ним. – Должно быть, он замерз насмерть!

Когда они подъехали к ребенку, он поднял голову, и снежинки блеснули на темных волосах и ресницах. Он увидел приближавшихся всадников, повернулся и побежал.

– Стой! – позвал Саймон. – Мы не причиним тебе вреда.

– *Халад, кюнде!* – крикнул Слудиг. Убегавший от них ребенок остановился и обернулся. Слудиг приблизился к нему на несколько локтей, потом спрыгнул в снег и неспешно пошел в его сторону. – *Виер соммен марровен*, – продолжал он, протягивая руку.

Мальчик с подозрением смотрел на него, но больше не пытался бежать. Казалось, ребенку не больше семи или восьми лет, и он был худым, как маслобойка, если судить по тем частям тела, которые оставались на виду. В руках он держал горсть желудей.

– Мне холодно, – сказал мальчик на хорошем вестерлинге.

Слудиг выглядел удивленным, но улыбнулся и кивнул.

– Тогда пойдем с нами, парень. – Он осторожно взял у ребенка желуды, высыпал их в карман плаща, а потом взял на руки мальчика, который не пытался сопротивляться. – Все будет хорошо. Мы тебе поможем. – Риммер посадил ребенка в седло перед собой и накинул на него свой плащ, – так что возникло впечатление, будто голова мальчика растет прямо из увеличившегося живота риммера. – Теперь мы можем найти место для лагеря? – прорычал Слудиг.

Бинабик кивнул.

– Конечно.

Он направил Кантаку вперед, мальчик смотрел на волчицу широко раскрытыми глазами, в которых не было страха. Саймон и Слудиг последовали за троллем. Снег стал быстро заполнять углубление, где стоял мальчик.

Когда они ехали через пустой город, Слудиг вытащил мех с кангкангом и дал мальчику из него глотнуть, тот закашлялся, но горький напиток кануков, казалось, нисколько его не удивил. Саймон решил, что мальчик старше, чем ему показалось вначале: его движения были точными и довольно уверенными, едва ли ребенок мог так себя вести. Должно быть, он производил такое впечатление из-за хрупкого телосложения и больших глаз.

– Как тебя зовут, парень? – наконец спросил Слудиг.

Мальчик спокойно посмотрел на риммера.

– Врен, – ответил он после паузы со странным акцентом и потянул к себе мех с кангкангом, но Слудиг покачал головой и убрал его в седельную сумку.

– Друг? – недоуменно спросил Саймон.

– Врен. Так он, кажется, сказал, – уточнил Бинабик. – Это имя хирка.

– Посмотрите на его черные волосы, – сказал Слудиг. – И на цвет кожи – либо он хирка, либо я не риммер. Но что он здесь делал в снегу?

Хирка, Саймон знал, были независимым народом, умевшим хорошо обращаться с лошадьми, а также они преуспевали в разных играх, в которых другие люди проигрывали деньги. Он не раз их встречал на большом рынке Эрчестера.

– Неужели хирка живут в Белых Пустошах?

Слудиг нахмурился.

– Я никогда не слышал ничего подобного – но в последнее время мне довелось видеть такие вещи, в которые в Элвритсхолле никто бы не поверил. Я думал, что они обычно живут в городах или лугах, вместе с тритингами.

Бинабик наклонился и погладил мальчика по руке.

– Да, так меня учили, – согласился тролль, – и маленькой рукой погладил мальчика по плечу. – Хотя говорят, что хирка живут и за Пустошью, в восточных степях.

Они проехали еще немного, и Слудиг спешился, чтобы попытаться отыскать следы обитания людей. Риммер вернулся, покачал головой и подошел к Врену. Карие глаза ребенка не моргая на него смотрели.

– Где ты живешь? – спросил риммер.

– Со Скоди, – последовал ответ.

– Это рядом? – спросил Бинабик. Мальчик пожал плечами. – А где твои родители? – Мальчик снова пожал плечами.

Троль повернулся к своим спутникам.

– Возможно, Скоди – это имя его матери. Или название другого города, рядом с Гринсэби. Может быть, он отбился от каравана фургонов – хотя по этим дорогам, я уверен, и в лучшие времена ездили редко. Но как он мог выжить в такую жестокую зиму?.. – Бинабик пожал плечами, странным образом напомнив мальчика.

– Он останется с нами? – спросил Саймон.

Слудиг фыркнул, но промолчал, и Саймон сердито повернулся к риммеру.

– Мы не можем оставить его тут умирать!

Бинабик успокаивающе поднял палец.

– Нет, тебе не следует об этом беспокоиться, – сказал он. – В любом случае должны же быть другие люди, с которыми живет Врен.

Слудиг встал.

– Троль прав: здесь должны быть люди. В любом случае глупо брать ребенка с собой.

– Ну, кое-кто говорил такие же слова о Саймоне, – спокойно ответил Бинабик. – Но я согласен с твоим первым утверждением. Давайте найдем его дом.

– А пока он может ехать со мной, – сказал Саймон.

Слудиг сделал недовольную гримасу, но передал ему ребенка, который и не думал сопротивляться. Саймон накрыл Врена своим плащом, как это делал Слудиг.

– Сейчас тебе лучше поспать, Врен, – прошептал Саймон, прислушиваясь к столам ветра среди развалин домов. – Теперь ты с друзьями. Мы отвезем тебя домой.

Мальчик посмотрел на него невероятно серьезно, словно незначительное духовное лицо на религиозной церемонии. Маленькая рука выскользнула из-под куртки и похлопала Искательницу по спине. Хрупкое тело Врена прижималось к груди Саймона, который одной рукой держал поводья, а другой обнимал мальчика. Он чувствовал себя очень старым и очень ответственным.

«Стану ли я когда-нибудь отцом? – подумал он, когда они ехали сквозь стущавшиеся сумерки. – Будут ли у меня сыновья? – Он еще немного подумал. – Или дочери?»

Все люди, которых он знал, казалось, потеряли своих отцов: Бинабик во время схода снежной лавины, принц Джошуа уже взрослым, отец Джереми, ученика свечного мастера, умер из-за легочной лихорадки; да и можно считать, что отец принцессы Мириамель мертв. Потом Саймон подумал о собственном отце, который утонул еще до его рождения. Неужели все отцы похожи на котов и собак – бросают своих детей вскоре после рождения?

– Слудиг? – позвал он. – А у тебя есть отец?

Риммер повернулся, и на его лице появилось раздраженное выражение.

– Что ты хочешь этим сказать? – поинтересовался он.

– Ну, я имел в виду, жив ли он?

– Насколько я знаю, жив, – фыркнул риммер. – Но мне все равно. Если старый дьявол попадет в ад, я переживать не стану. – Он отвернулся и стал смотреть на покрытую снегом дорогу.

«Я не стану таким отцом, – решил Саймон, прижимая к себе ребенка немного сильнее. Врен беспокойно зашевелился под плащом Саймона. – Я останусь со своим сыном. У нас будет дом, и я никуда не уйду».

А кто станет матерью? Перед его мысленным взором прошла серия случайных образов, таявших, как снежинки: далекая Мириамель на балконе в башне, горничная Хепзиба, сердитая Рейчел и леди Воршева с гневным взглядом. И где будет его дом? Он оглядел бесконеч-

ные белые просторы Пустоши и приближавшийся темный Альдхорт. Как можно рассчитывать оставаться в одном месте в этом безумном мире? Обещать такое ребенку будет ложью. Дом? Ему повезет, если сегодня ночью он найдет место, где можно будет укрыться от ветра.

Его горький смех заставил Врена зашевелиться, и Саймон плотнее запахнул плащ.

Они добрались до восточной окраины Гринсэби, но так и не встретили ни одной живой души. Как, впрочем, и следов недавнего обитания людей. Они расспрашивали Врена, но не смогли получить от него никаких сведений, кроме имени «Скоди».

– Значит, Скоди твой отец? – спросил Саймон.

– Это женское имя, – вмешался Слудиг. – Женское имя у риммеров.

Саймон предпринял новую попытку.

– Скоди – это твоя мать?

Мальчик покачал головой.

– Я живу со Скоди, – сказал он, и его слова прозвучали вполне отчетливо, если не считать странного акцента, и Саймон снова подумал, что мальчик старше, чем они решили сначала.

Среди невысоких холмов возле Белого тракта оставалось еще несколько заброшенных селений, но теперь они попадались все реже и реже. Наступила ночь, заполнившая чернильным мраком пространства между деревьями. Маленький отряд ехал очень долго – время ужина давно миновало, по мнению Саймона. Темнота сделала дальнейшие поиски бессмысленными, и Бинабик уже собрался зажечь смолистую сосновую ветку в качестве факела, когда Саймон увидел в лесу, на некотором расстоянии от дороги, свет.

– Посмотрите туда! – воскликнул он. – Я думаю, это огонь! – Далекие деревья под белым одеялом, казалось, испускали красное сияние.

– Дом Скоди! Дом Скоди! – сказал мальчик, подпрыгивая так высоко, что Саймон с трудом его удерживал. – Она будет счастлива!

Отряд остановился, и они некоторое время наблюдали за мерцавшим светом.

– Мы поедем туда осторожно, – сказал Слудиг, – сжимая и разжимая пальцы на древке копья кануков. Уж очень это странное место для жизни. У нас нет никакой уверенности, что те, кто там живет, окажутся дружелюбными.

От слов Слудига у Саймона по спине пробежал холодок. Если бы только он мог положить на Шип и носить его на боку! Саймон сжал рукоять костяного ножа и почувствовал себя немного увереннее.

– Я поеду вперед, – сказал Бинабик. – Я маленький, а Кантака передвигается бесшумно. Нам нужно выяснить, кто там живет.

Он пробормотал какое-то слово, волчица тут же сошла с дороги и скользнула в длинные тени, и ее хвост метался из стороны в сторону, точно облачко дыма на ветру.

Прошло несколько минут, Саймон и Слудиг медленно и молча ехали вдоль заснеженной обочины, глядя в теплый свет, мерцавший в ветвях деревьев, и Саймон вдруг задремал, когда внезапно появился тролль. Кантака широко ухмылялась, красный язык вывалился изо рта.

– Я думаю, это старое аббатство, – сообщил Бинабик, чье лицо почти полностью скрывал капюшон. – Во дворе перед домом горит костер, вокруг него несколько человек, все они похожи на детей. Я не увидел лошадей и не обнаружил никаких следов засады.

Они медленно поднимались к вершине по склону невысокого холма. Посреди поляны, окруженной деревьями, горел костер, вокруг него танцевали маленькие фигурки. За ними возвышались окрашенные красным каменные стены аббатства с потрескавшейся штукатуркой. Старое здание сильно пострадало от капризов погоды: длинная крыша провалилась в нескольких местах, а в зияющие дыры заглядывали звезды. Многие из росших вокруг деревьев прогнули ветки прямо в маленькие окна, словно пытались спрятаться от холода.

Путники остались сидеть в седлах, наблюдая за происходящим. Врен выскользнул из-под руки Саймона и прыгнул с седла в снег. Он стоял, раскачиваясь, как собака, а потом побежал по склону к костру. Часть маленьких фигурок обернулась к нему с радостными криками. Врен немного постоял среди них, возбужденно размахивая руками, а потом скользнул в дверь аббатства и исчез в мягком сиянии.

Прошло несколько долгих мгновений, но никто не вышел, и Саймон вопросительно посмотрел на Бинабика и Слудига.

– Не вызывает сомнений, что это его дом, – сказал Бинабик.

– Быть может, нам нужно ехать дальше? – спросил Саймон, надеясь, что его спутники станут возражать.

Слудиг окинул Саймона взглядом и фыркнул.

– Будет глупо упустить шанс провести ночь в тепле, – неохотно ответил риммер. – И мы все равно собирались разбить лагерь. Но нам не следует говорить о том, кто мы такие и каковы наши цели. Мы солдаты, сбежавшие из гарнизона в Скогги, если нас начнут спрашивать.

Бинабик улыбнулся.

– Я одобряю твою логику, пусть меня и трудно принять за воина-риммера. Давайте войдем и посмотрим на дом Врена.

Они въехали в лощину. Маленькие фигурки, всего около полудюжины, возобновили танцы и игры, но, когда Саймон и остальные приблизились, остановились и смолкли. Бинабик оказался прав, это были дети, одетые в тряпье.

Все глаза обратились к вновь прибывшим, и Саймон почувствовал, что его внимательно изучают. Возраст детей колебался от трех или четырех лет, до возраста Врена или немногим старше, и все выглядели по-разному. Среди них была девочка с черными волосами и темными глазами, как у Врена, но двое или трое детей с такими светлыми волосами, что они никак не могли быть риммерами. Все настороженно смотрели на незваных гостей. Когда Саймон и его спутники спешили, все головы повернулись, чтобы посмотреть на них. Все дети молчали.

– Привет, – сказал Саймон. Ближайший к нему мальчик угрюмо смотрел на него, а на его лице плясали отблески огня. – Твоя мать здесь? – Мальчик по-прежнему молча не сводил с Саймона глаз.

– Мальчик, которого мы привезли, вошел внутрь, – сказал Слудиг. – Значит, там наверняка есть взрослые. – Он задумчиво перехватил копьё, полдюжины пар глаз неотрывно следили за его движением.

Риммер взял с собой копьё и шагнул к двери, за которой исчез Врен. Потом прислонил копьё к каменной стене и повернулся к детям.

– Никому не следует прикасаться к нему, – сказал он. – Вы меня поняли? *Гьяль эс, кюнден!* – Он положил ладонь на рукоять меча, потом поднял кулак и постучал в дверь.

Саймон оглянулся на Шип, завернутый в ткань и прикрепленный к одной из вьючных лошадей. Он все еще не понимал, стоит ли брать оружие, но решил, что обнажать клинок сейчас не стоит – это лишь привлечет к нему внимание. И все же Саймон чувствовал себя отвратительно. Столько жертв принесено, чтобы добыть черный меч, а теперь он оставляет его у седла, как старую метлу.

– Бинабик, – тихо сказал он, указывая на замотанный меч, – как ты думаешь?..

Троль покачал головой.

– Я уверен, что тебе не стоит о нем беспокоиться, – прошептал троль. – В любом случае, если дети попытаются украсть меч, они едва ли сумеют далеко его унести.

Тяжелая дверь медленно распахнулась. На пороге стоял маленький Врен.

– Заходите, люди. Сходи говорит, заходите.

Бинабик прыгнул в снег. Кантака понюхала воздух и большими скачками унеслась в ту стороону, откуда они пришли. Дети у костра с восторгом смотрели ей вслед.

– Пусть поохотится, – сказал Бинабик. – Она не любит входить в человеческие жилища. Пойдем, Саймон, нас приглашают в гости.

Троль обошел Слудига и последовал за Вреном внутрь.

Там горел такой же большой огонь, как снаружи, только здесь он полыхал над жаровней, пламя металось из стороны в сторону, отбрасывая дикие мерцающие тени на покрытую многочисленными трещинами штукатурку. Сначала Саймону показалось, что они попали в логово животных. Повсюду валялись груды одежды, соломы и куда более необычных предметов.

– Добро пожаловать, незнакомцы, – послышался чей-то голос. – Я Сходи. У вас есть еда? Дети очень голодны.

Она сидела на стуле у огня вместе с детьми, которые были заметно младше тех, что играли во дворе, – кто-то устроился у нее на коленях, другие жались к ногам. Сначала Саймону показалось, что она сама ребенок – пусть и очень большой, – но после недолгих наблюдений понял, что она его возраста или даже немного старше. Светлые, почти белые волосы, бесцветные, как шелковые нити паука, обрамляли круглое лицо, привлекательное, несмотря на несколько дефектов, если бы женщина не была такой толстой. Бледные голубые глаза жадно смотрели на вновь прибывших.

Слудиг с подозрением разглядывал ее, он чувствовал себя неуверенно в таком ограниченном пространстве.

– Еда? У нас есть совсем немного, госпожа... – Он немного подумал. – Но мы готовы разделить ее с вами.

Она грациозно взмахнула пухлой розовой рукой, едва не сбросив на пол спавшего ребенка.

– Это не так важно, – заявила она. – Нам всегда удастся справиться. – Как и предсказывал Слудиг, она говорила на вестерлинге с сильным акцентом риммеров. – Присядьте и расскажите мне, что происходит в мире. – Она нахмурилась и поджала красные губы. – У меня где-то есть пиво. Ведь мужчины любят пиво, верно? Врен, пойдешь, поищи. И где дубовые орехи, за которыми я тебя посылала?

Слудиг поднял голову.

– Вот, – он смущенно достал желуди Врена из кармана плаща.

– Хорошо, – сказала Сходи. – А теперь пиво.

– Да, Сходи. – Врен пробежал вдоль прохода, мимо составленных вместе стульев и скрылся в тени.

– Но как, если мне будет дозволено спросить, вы можете здесь жить? – проговорил Бинабик. – В таком уединенном месте?

Сходи алчно на него смотрела. А когда она услышала его вопрос, ее брови удивленно поползли вверх.

– Я думала, ты ребенок! – Казалось, она была разочарована. – А ты просто маленький человек.

– Канук, миледи. – Бинабик поклонился. – Ваш народ называет нас «троллями».

– Троль! – Она возбужденно всплеснула руками, и на этот раз ребенок скатился с ее колен и остался лежать на ворохе одеял возле ног. Малыш даже не проснулся, но другой тут же ползком забрался на освободившееся место. – Как замечательно! У нас здесь никогда не бывало троллей! – Она повернулась и крикнула в темноту. – Врен! Где пиво для наших гостей мужчин?

– А откуда взялись эти дети? – недоуменно спросил Саймон. – Они все ваши?

Сходи со смущением на него посмотрела.

– Да. Теперь они мои. Родители их не хотели, и теперь Сходи за ними присматривает.

– Ну... – Саймон был смущен. – Ну, вы очень добры. Но как вы их кормите? Вы сказали, что они голодны.

– Да, я добрая, – заявила заулыбавшаяся Сходи. – Я добрая, но так меня учили. Господь Усирис наказал защищать детей.

– Да, – проворчал Слудиг. – Так и есть.

Врен вновь возник в освещенной части помещения, в руках он держал кувшин с пивом и несколько потрескавшихся чаш. Он едва их не уронил, но ему помогли их поставить и разлить пиво для всех трех путешественников. Снаружи поднялся ветер, и огонь в камине взревел.

– У вас очень хороший огонь, – заметил Слудиг, стирая пену с усов. – Должно быть, вам было нелегко собрать сухое дерево во время вчерашней бури.

– О, Врен нарубил дрова в начале весны. – Она потянулась к мальчику и погладила его по голове пухлой рукой. – Кроме того, он у нас мясник и повар. Врен мой хороший мальчик, правда, Врен?

– У вас нет никого старше? – спросил Бинабик. – Я не хочу показаться неучтивым, но вы кажетесь мне слишком юной, чтобы растить детей в одиночку.

Сходи окинула его внимательным взглядом, прежде чем ответить.

– Я же вам говорила, – наконец заговорила она. – Их матери и отцы ушли. Остались только мы. У нас все хорошо, правда, Врен?

– Да, Сходи. – Глаза мальчика затуманились, и он прижался к ее ноге, наслаждаясь теплом огня.

– Итак, – наконец заговорила Сходи, – вы сказали, что у вас есть немного еды. Почему бы вам ее не достать, если вы можете с нами поделиться. У нас найдется все, что нужно для трапезы. Просыпайся, Врен, ты настоящий лентяй! – Он слегка шлепнула его по затылку. – Просыпайся, пора готовить ужин!

– Не будите его, – сказал Саймон, которому стало жалко маленького черноволосого мальчишку. – Мы сами все приготовим.

– Чепуха, – сказала Сходи и встряхнула запростестовавшего Врена. – Он любит готовить ужин. А вы принесите то, что у вас есть. Вы ведь останетесь здесь на ночь? В таком случае вам нужно поставить лошадей в конюшню. Я думаю, они находятся с противоположной стороны двора. Врен, вставай, лентяй! Где конюшни?

Лес подобрался совсем близко к конюшням. Старые деревья, засыпанные снегом, уныло раскачивались под порывами ветра, когда Саймон и его спутники стелили свежую солому на пол в одном из стойл и сбрасывали снег в корыто, чтобы он растаял. У них возникло ощущение, что конюшней регулярно пользовались – из стен торчали почерневшие факелы, а рассыпающиеся стены пытались чинить в нескольких местах, – но понять, как давно здесь кто-то побывал в последний раз, они не сумели.

– Быть может, нам следует перенести сюда наши вещи? – спросил Саймон.

– Да, пожалуй, – согласился Бинабик, расстегивая упряжь на животе одной из вьючных лошадей. – Я сомневаюсь, что дети могут украсть что-то кроме еды, но мы не найдем наши вещи, если они их переложат.

В конюшне сильно пахло мокрыми лошадьми. Саймон потер жесткий бок Искательницы.

– Вам не кажется странным, что здесь никто не живет, кроме детей?

Слудиг коротко рассмеялся.

– Эта молодая женщина старше тебя, Снежная Прядь, – и, кстати, ее там очень много. У девушек в таком возрасте часто бывают собственные дети.

Саймон покраснел, но не успел дать раздраженный ответ – его опередил Бинабик.

– Я полагаю, – сказал тролль, – что Саймон говорит разумные вещи. Здесь много непонятного. Нам следует задать хозяйке несколько вопросов.

Саймон замотал Шип в свой плащ и понес его по снегу к аббатству. Постоянно менявшийся меч сейчас стал совсем легким. Кроме того, складывалось впечатление, что он слегка

пульсирует, хотя Саймон знал, что причина может быть в его замерзших и дрожавших руках. Когда маленький Врен впустил их обратно, Саймон положил Шип рядом с очагом, где они собирались спать, а сверху пристроил несколько седельных сумок, словно рассчитывал лишить подвижности спящего зверя, который может проснуться и начать крушить все подряд.

Ужин получился диковинной смесью неожиданной еды и столь же странного разговора. Кроме остатков сушеных фруктов и мяса, принесенных тремя путешественниками, Сходи и ее юные подопечные поставили на стол миски с горькими желудями и кислыми ягодами. Врену удалось найти слегка заплесневелый, но вполне съедобный сыр в полуразрушенной кладовой аббатства, а также несколько кувшинов мускусного пива риммеров. В результате им удалось приготовить ужин на всю компанию, пусть и скудный: присутствовали все дети – их оказалось немногим больше дюжины.

У Бинабика не было возможности задавать вопросы во время трапезы. Те подопечные Сходи, что могли передвигаться самостоятельно, по очереди вставали и рассказывали о своих приключениях за прошедший день, истории были столь невероятными и причудливыми, что поверить в них было невозможно. Одна маленькая девочка поведала о том, что она долетела до верхушки высоченной сосны, чтобы украсть перо у волшебной сойки. Один из старших мальчиков клялся, что в лесной пещере нашел шкатулку с золотом огра. Врен, когда очередь дошла до него, спокойно сообщил слушателям, что, когда он собирал желуди, его преследовал ледяной демон с блестящими голубыми глазами и Саймон вместе со своими спутниками его спасли от ужасной холодной хватки – они рубили демона мечами до тех пор, пока он не превратился в кучу сосулек.

Пока Сходи ела, она по очереди держала маленьких детей на коленях, выслушивая каждую историю так, словно завидовала тем, с кем она якобы случилась. Тех, чьи рассказы ей особенно понравились, она награждала кусочком еды, и дети с радостью ее принимали – Саймон решил, что именно награда является главной причиной для сочинения невероятных сказок.

Что-то в лице Сходи завораживало Саймона. Несмотря на большие размеры, в ее детских чертах было изящество, а блеск в глазах и улыбка заставляли Саймона не спускать с нее взгляда. В какие-то моменты, когда она заразительно смеялась над детскими выдумками или поворачивалась так, что огонь отражался в льняных волосах, она казалась очень красивой; в другие, когда жадно вырывала пригоршню ягод у кого-то из маленьких детей и засовывала их в широкий рот, или когда ее интерес к невероятным детским рассказам делал выражение ее лица идиотским, Саймон находил ее отвратительной.

Несколько раз она перехватывала его взгляды, и ее ответные взгляды вызывали у него страх, одновременно заставляя краснеть. Иногда в глазах Сходи, несмотря на лишний вес, появлялось выражение голодающего нищего.

– Итак, – сказала она, когда Врен закончил свою фантастическую историю, – вы еще более отважные мужчины, чем я предполагала. – Она широко улыбнулась Саймону. – Сегодня ночью мы все будем спать спокойно, зная, что вы находитесь под одной с нами крышей. – Вы ведь не думаете, что у ледяных демонов Врена есть братья?

– Не думаю, что это вероятно, – ответил Бинабик с мягкой улыбкой. – Вам не следует бояться демонов, пока мы с вами. В свою очередь, мы благодарны за крышу и тепло вашего очага.

– О нет. – Глаза Сходи широко раскрылись. – Это я должна вас благодарить. У нас редко бывают гости. Врен, помоги навести порядок и покажи мужчинам, где они могут устроиться на ночлег. Врен, ты меня слышишь?

Врен пристально смотрел на Саймона, и в его темных глазах появилось непонятное выражение.

– Вы упомянули о гостях, миледи, – начал Бинабик, – и я вспомнил о последнем вопросе, который собирался вам задать. Как вы и эти дети оказались в таком уединенном месте?..

– Пришла буря. Остальные сбежали. А нам было некуда идти. – Быстро произнесенные слова не смогли скрыть обиду в ее голосе. – Никто нас не хотел – ни детей, ни Скоди. – После того как неприятная тема была закрыта, ее голос потеплел. – А теперь для малышей пришло время сна. Идите сюда все, помогите мне встать.

Несколько детей поспешили к Скоди, чтобы помочь ей поднять со стула большое тело. Она медленно направилась к двери в задней части комнаты, и двое спавших детей прицепились к ней, точно летучие мыши.

– Врен вас отведет, – добавила Скоди. – И принеси свечку, когда вернешься, Врен. – С этими словами она исчезла в темноте.

Саймон проснулся от беспокойного сна посреди ночи, и его наполнила паника от ночной беззвездной тьмы, полной красных точек, кроме того, его тревожил слабый звук, вплетавшийся в приглушенную ткань песни ветра. Прошло некоторое время, прежде чем он вспомнил, что они проводят ночь рядом с очагом, под крышей старого аббатства, где согреваются теплом тлеющих углей под защитой от стихии под крышей и разваливающимися стенами. Звуки были одиноким воем Кантаки, плывущим где-то далеко. Страх Саймона немного ослабел, но не исчез.

«Возможно, это сон прошлой ночи? – подумал он. – Шем, Рубен и голоса? Возможно, это безумный бред... или разговор был настоящим... каким он и казался?»

С той ночи, когда он сумел бежать из Хейхолта, Саймон уже не чувствовал себя хозяином своей судьбы. С той самой Ночи побивания камнями, когда он каким-то образом услышал мерзкие мысли Прайрата и, сам того не желая, стал свидетелем ритуала, во время которого Элиас получил ужасный дар – меч Скорбь, Саймон спрашивал себя, является ли он по-прежнему хозяином своего разума. Его сны стали более яркими, чем обычные ночные видения. Сон в доме Джелой, когда мертвый Моргенес предупредил его о фальшивом посланце, и повторяющиеся видения огромного, уничтожавшего все на своем пути колеса, и дерево-что-было-башней, белое среди звезд – они казались слишком настойчивыми, слишком могущественными, чтобы быть обычным тревожным сном. А прошлой ночью он услышал во сне Прайрата, говорившего с каким-то неземным существом. Столь же четко, как если бы Саймон слушал у замочной скважины. Никаких подобных снов он не видел никогда в жизни до событий ужасного последнего года.

Когда Бинабик и Джелой повели его по Дороге Снов, посетившие его там видения показались ему похожими на то, что он пережил сейчас и прошлой ночью – как сновидения, но с диким и неопишуемым эффектом присутствия. Быть может, каким-то образом, из-за Прайрата на холме или чего-то еще, в нем распахнулась дверь, которая иногда выводила его на Дорогу Снов. Это походило на безумие, но мир вокруг стал совершенно невероятным и необъяснимым, где все перевернуто вверх дном. Должно быть, эти сны имели огромное значение – когда Саймон проснулся, у него появилось ощущение, что он упускает нечто бесконечно важное, – но он понятия не имел, что именно, и это было ужаснее всего.

Скорбный вой Кантаки вновь прозвучал где-то далеко за стенами аббатства. «Быть может, тролль встал, чтобы успокоить своего скакуна», – подумал Саймон, но храп Бинабика и Слудига звучал ровно и не прерывался. Саймон попытался встать, полный решимости дать волчице возможность войти – она казалась очень одинокой и несчастной, а снаружи царил такой холод, – но обнаружил, что не может пошевелиться, невероятная слабость охватила его конечности, и ему никак не удавалось заставить себя подняться. Саймон отчаянно сражался, однако ничего не помогало. Его тело слушалось его не лучше, чем если бы оно было вырублено из ясеня.

Саймоном вдруг овладела ужасная сонливость. Он боролся с ней, но она решительно тащила его вниз; далекий вой Кантаки стал слабеть, а он скользил все дальше, словно по длинному склону, к бесконечному незнанию...

Когда Саймон снова проснулся, последние угольки в камине почернели и аббатство погрузилось в полную темноту. Когда холодная рука коснулась его лица, он ахнул от ужаса, но воздух не пожелал покидать его легкие, тело все еще казалось тяжелым, как камень, и он так и не мог пошевелиться.

– Хорошенький, – прошептала Сходи из глубокой тени, и Саймон скорее чувствовал ее, чем видел – большое тело, возвышавшееся над ним. Она погладила его по щеке. – У тебя только недавно начала расти борода. Ты такой хорошенький. Я тебя оставляю.

Саймон отчаянно извивался, пытаясь избавиться от ее прикосновений.

– Они тоже тебя не хотят, верно? – сказала Сходи, воркуя, словно он ребенок. – Я чувствую. Сходи знает. Тебя изгнали, да, я знаю, слышу в твоей голове. Но я послала Врена за тобой по другой причине.

Она присела на корточки рядом с ним в темноте, так палатка опускается, когда из нее вынимают колышки.

– Сходи знает, что у тебя есть, – продолжала она. – Я слышала его пение собственными ушами, видела в снах. Леди Серебряная Маска хочет это получить. И ее лорд Красные глаза – тоже. Им нужен меч, черный меч, и, когда я его им отдам, они станут хорошо обращаться со мной. Они будут любить Сходи и дарить ей подарки. – Она сжала прядь его волос пухлыми пальцами и сильно дернула.

Боль, которую Саймон почувствовал, показалась ему какой-то далекой. Через мгновение, словно для того, чтобы ее снять, она осторожно провела ладонью по голове и лицу Саймона.

– Хорошенький, – снова заговорила она. – Мой друг – друг моего возраста. Именно такого я ждала. Я уберу сны, которые тебя тревожат. Я уберу все твои сны. Знаешь, я умею это делать. – Она еще сильнее понизила свой шепчущий голос, и тут только Саймон сообразил, что больше не слышит тяжелого дыхания своих друзей. Быть может, они затаились в темноте и ждут подходящего момента, чтобы его спасти. В таком случае он надеялся, что они будут действовать быстро. Сердце у него в груди казалось таким же тяжелым, как конечности, но внутри пульсировал страх, подобный тайному биению сердца. – Меня выгнали из Эйстада, – бормотала Сходи. – Моя семья и соседи. Сказали, что я ведьма. Сказали, что проклиная людей. Выгнали меня. – И она стала жутко всхлипывать.

– Я им п-п-показала. Когда отец напился и спал, я пырнула мать ножом и вложила его в руку отца. Он покончил с собой. – Ее смех был горьким, но безжалостным. – Я всегда умела видеть вещи, недоступные для других, и думать о них. А потом, когда наступила настоящая зима, не пожелавшая уходить, у меня появился дар *делать*. Теперь я могу то, что не способен никто другой. – В ее голосе появились триумфальные нотки. – И я становлюсь сильнее. Когда я отдам леди Серебряная Маска и лорду Красные глаза меч, который они ищут, поющий черный меч, – я слышала его в своих снах, то стану такой же, как они. И тогда мы с детьми заставим всех пожалеть.

Пока Сходи говорила, она рассеянно опустила холодную руку со лба Саймона на его рубашку и обнаженную грудь – так гладят собаку. Ветер стих, и в наступившей жуткой тишине Саймон вдруг понял, что у него отняли друзей. В темной комнате остались лишь Сходи и Саймон.

– Но *тебя* я сохраню, – продолжала она. – Оставляю себе.

Глава 15. За Божественными стенами

Отец Диниван возил еду по миске, глядя в нее с таким видом, будто надеялся прочесть послание, написанное крошками хлеба и косточками от оливок, которое ему поможет. Вдоль всего стола были расставлены ярко горевшие свечи, голос Прайрата звучал резко и громко, точно медный гонг.

– ... Таким образом, вы понимаете, Ваше Святейшество, король Элиас хочет от вас только одного: признания, что Мать Церковь отвечает и заботится о душах людей, но не имеет права вмешиваться в то, как законный монарх распоряжается их телесными формами.

Безволосый священник удовлетворенно ухмыльнулся.

У Динивана замерло сердце, когда он увидел, что Ликтор отстраненно улыбнулся в ответ на слова Прайрата. Вне всякого сомнения, Ранессин понимал – Элиас практически объявил, что наместник Бога имеет меньше прав на власть, чем земной король. Почему он ничего не отвечает?

Ликтор медленно кивнул, посмотрел через стол на Прайрата, затем бросил мимолетный взгляд на герцога Бенигариса, нового хозяина Наббана, который слегка занервничал и поспешно принялся вытирать жир с подбородка вышитым рукавом. Пир по поводу Кануна Середины мансы обычно являлся религиозным и церемониальным событием. И хотя Диниван прекрасно знал, что Бенигарис абсолютно и бесповоротно принадлежит господину Прайрата Элиасу, сейчас герцог, похоже, намеревался соблюсти приличия и не давать повода к конфронтации.

– Верховный король и его посол Прайрат хотят для Матери Церкви только самого лучшего, – с угрюмым видом заявил Бенигарис, который не сумел выдержать взгляд Ранессина, как будто в нем отразились слухи о том, что он убил своего отца. – Мы должны прислушаться к тому, что говорит Прайрат.

И он снова обратил все свое внимание на поднос с едой, видимо, посчитав ее более приятной компанией.

– Мы обдумываем то, что нам сказал Прайрат, – мягко ответил Ликтор, и за столом снова повисла тишина.

Толстый Веллигис и остальные эскриторы, присутствовавшие на встрече, занялись едой, очевидно, радуясь, что противостояния, которого они опасались, удалось избежать.

Диниван опустил глаза на миску с остатками ужина. Молодой священник, стоявший возле его локтя, снова наполнил его бокал водой – в этот вечер следовало избегать вина – и протянул руку, собираясь забрать миску, но Диниван от него отмахнулся, решив, что лучше сосредоточиться хотя бы на чем-то, чем смотреть на ядовитого Прайрата, не скрывавшего своего огромного удовольствия от того, что ему удалось поставить Церковь в сложное положение.

Диниван рассеянно гонял ножом по столу хлебные крошки, размышляя о том, как неразрывно соединены великое и мирское. Возможно, когда-нибудь ультиматум короля Элиаса и ответ Ликтора будут казаться событиями исключительной важности, как в тот день, давным-давно, когда Ларексис Третий объявил лорда Сулиса еретиком и апостатом и отправил этого потрясающего, беспокойного человека в ссылку. Но даже во время *того* события, имевшего огромное значение, размышлял Диниван, вероятно, какие-то священники почесывали носы, смотрели в потолок или беззвучно стонали от боли в суставах, несмотря на то что участвовали в важнейшем историческом совете. Точно так же, как сейчас Диниван ковырял остатки еды, а герцог Бенигарис рыгал и распускал ремень на штанах. Люди так устроены – обезьяны и ангелы, их животная природа будет возмущаться ограничениями цивилизации, даже когда они устремятся в рай или ад. На самом деле, это забавно... или должно быть.

Когда эскритор Веллигис попытался завести более приятный разговор, подходящий для застолья, Диниван неожиданно почувствовал, как у него задрожали пальцы, и сразу понял, что стол под его руками начал тихонько вибрировать. Сначала он подумал, что началось землетрясение, но в следующее мгновение косточки от оливок у него в миске медленно заскользили друг к другу, и перед его изумленным взглядом появились руны. Потрясенный Диниван поднял голову, но, казалось, никто за праздничным столом не заметил ничего необычного. Веллигис что-то монотонно бормотал, его пухлое лицо блестело от пота, остальные гости на него смотрели, изображая вежливый интерес.

Остатки еды в миске Динивана принялись ползать по дну, точно насекомые, и в результате появилось два насмешливых слова: ПИСАРЬ-СВИНЬЯ. Динивана затошнило, он поднял голову, встретился взглядом с черными акульими глазами алхимика и увидел в них нескрываемое веселье. Один белый палец парил над скатертью, как будто что-то рисовал в воздухе. Затем на глазах у Динивана Прайрат пошевелил всеми пальцами одновременно, и крошки с косточками разбежались по миске, словно их перестала удерживать вместе неизвестная сила.

Рука Динивана скользнула к цепочке, прятанной под сутаной, он нащупал свиток, а улыбка Прайрата стала еще шире, и он стал почти похож на счастливого ребенка. Диниван почувствовал, что его обычный оптимизм растворяется в не вызывавшей сомнений уверенности красного священника, и вдруг понял, что его жизнь на самом деле подобна хрупкому тростнику, который так легко сломать.

– ... Полагаю, они на самом деле совершенно не опасны... – вещал Веллигис, – однако варвары, которые поджигают себя на общественных площадях, наносят ужасный удар по достоинству Матери Церкви, словно бросают ей вызов, предлагая их остановить! Мне говорили, что это безумие заразно и его приносит плохой воздух. Так что теперь я никогда не выхожу на улицу, не прикрыв платком нос и рот...

– А может быть, Огненные танцоры вовсе не безумны, – весело заявил Прайрат. – Возможно, их сны более... *реальны*... чем вы готовы поверить.

– Это... это... – заикаясь, вскричал Веллигис, но Прайрат не обратил на него ни малейшего внимания, он по-прежнему не сводил с Динивана своих до непристойности пустых глаз.

«Он уже не боится перейти все границы, – подумал Диниван, и это понимание невыносимым бременем легло на его плечи. – Ничто больше не удерживает и не связывает его. Безумное любопытство стало безрассудным и неутолимym голодом».

Неужели с миром начали происходить ужасные изменения именно в тот момент, когда Диниван и его соратники, Хранители манускрипта, ввели Прайрата в свой тайный совет? Они открыли молодому священнику свои сердца и драгоценные архивы из уважения к его острому уму задолго до того, как гниль, поселившись в нем, уже невозможно было не заметить. Тогда они изгнали его из своих рядов – но, похоже, слишком поздно. Как и Диниван, Прайрат допущен к тем, кто занимает высокое положение, но красная звезда Прайрата начала свое стремительное восхождение вверх, в то время как путь Динивана окутан туманом.

Что еще он может сделать? Он отправил письма двум оставшимся в живых Хранителям манускрипта, Ярнауке и ученику Укекука, хотя уже давно не получал от них известий. Также он послал указания и предложения тем, кто крепок в вере, лесной женщине Джелой и маленькому Тиамаку, живущему в болотистом Вране. Благополучно доставил принцессу Мириамель в Санцеллан Эйдонитис и попросил ее рассказать Ликтору все, что она знала. Позаботился обо всех деревьях, как хотел бы Моргенес: теперь ему оставалось только ждать и посмотреть, какие плоды они принесут...

Оторвавшись от неприятного взгляда Прайрата, Диниван посмотрел на обеденный зал Ликтора, стараясь оценить детали. Если этому вечеру суждено войти в историю, к добру или нет, он решил запомнить все, что удастся. Может быть, в будущем – более счастливом, чем то, которое он представлял сейчас, – он будет стоять рядом с юным мастером и поправлять

его: «Нет, все было совсем не так! Я же там *присутствовал...*» Диниван улыбнулся, забыв на мгновение все свои заботы. Какая замечательная мысль – пережить темные времена и превратиться в старика, который только и делает, что бесконечно раздражает беднягу художника, изо всех сил старающегося выполнить заказ.

Его приятным размышлениям положило конец появление знакомого лица в двери, ведущей на кухни. Что здесь делает Кадрах? Он провел в Санцеллане Эйдонитесе меньше недели, и у него не может быть никаких дел возле личных покоев Ликтора. Значит, он шпионит за гостями Ликтора, приглашенными на ужин. И в чем причина – простое любопытство, или у Кадраха... Падрейка... проснулись прежние обязательства? Возможно, такие, что конфликтуют между собой?

В тот момент, когда эти мысли пронесли в голове Динивана, лицо монаха снова скрылось в тени двери и исчезло из вида. А через мгновение появился слуга с большим серебряным подносом, и Динивану стало ясно, что Кадрах ушел.

И тут, словно контрапунктом к замешательству Динивана, Ликтор неожиданно встал со своего высокого стула во главе стола. Доброе лицо Ранессина было мрачным, и в тених, которые отбрасывали ярко горевшие свечи, он казался древним и согнутым под тяжестью забот.

Ликтор заставил замолчать разошедшегося Веллигиса взмахом руки и медленно заговорил:

– Мы подумали, – начал он, и у Динивана возникло ощущение, будто седая голова Ликтора подобна заснеженному горному пику. – Мир, о котором говорите вы, Прайрат, наделен определенным смыслом. И логика ваших рассуждений имеет под собой солидные основания. Мы уже слышали подобные вещи от герцога Бенигариса и его частого посланника герцога Аспитиса.

– Графа Аспитиса, – резко заявил Бенигарис, крупное лицо которого покраснело от солидного количества выпитого вина Ликтора. – Граф, – продолжал он, не обращая ни на что внимания. – Король Элиас сделал его графом по *моей* просьбе. В качестве жеста доброй воли в адрес Наббана.

На лице с изящными чертами появилось отвращение, которое Ранессин не сумел скрыть.

– Мы знаем, что вы близки с Верховным королем, Бенигарис. И нам известно, что вы правите Наббаном. Но сейчас вы сидите за нашим столом в доме Бога – за *моим* столом, – и мы требуем, чтобы вы хранили молчание до тех пор, пока глава Церкви не закончит говорить.

Динивана потряс сердитый тон Ликтора – Ранессин отличался мягким нравом и был добрейшим человеком, – но его обрадовало столь неожиданное проявление силы. Усы Бенигариса сердито встопорщились, и он потянулся за своей чашей с неловкостью смущенного ребенка.

Голубые глаза Ранессина смотрели в упор на Прайрата, и он заговорил в величественной манере, к которой редко прибегал, но в тех случаях, когда ее использовал, это казалось совершенно естественным.

– Как мы уже сказали, идея о мире, за который ратуете вы, Элиас и Бенигарис, имеет определенную толику здравого смысла. Это мир, где алхимики и монархи решают судьбы не только физических тел людей, но также их душ, мир, в коем слуги короля ради собственных целей подстрекают заблудшие души сжигать себя во имя фальшивых идолов. Мир, в котором вместо неуверенности в существовании невидимого Бога людям преподносят черный, ослепительно пылающий дух, живущий на нашей земле, в самом сердце ледяной горы.

Лицо Прайрата сморщилось, когда он услышал слова Ликтора, и Диниван испытал мгновение холодного ликования. Прекрасно. Значит, это существо еще можно удивить.

– *Слушайте меня!* – Голос Ранессина набрал силу, и на мгновение показалось, будто не только обеденный зал погрузился в тишину, но и весь мир вместе с ним, как будто в этот миг залитый сиянием свечей стол оказался на высшем пике Созидания.

– Этот мир – *ваш* мир, тот, что вы нам предлагаете, описывая его своими хитроумными, коварными речами, – не имеет никакого отношения к Матери Церкви. Мы уже давно знаем про разгуливающего по нашей земле черного ангела, чьи бледные руки тревожат все сердца Светлого Арда, но *наш* бич – это сам Архидемон, вечный враг Божественного света. Не имеет значения, является ли ваш союзник *нашим* истинным Врагом, с коим мы сражаемся тысячелетия, которые не сосчитать, или очередным злобным приспешником мрака, Мать Церковь всегда выступала против ему подобных. И так будет во веки вечные.

Казалось, все в комнате затаили дыхание на бесконечные мгновения.

– Ты сам не понимаешь, что говоришь, старик, – прошипел Прайрат, голос которого сочился ядом. – Ты становишься слабым, и твой разум тебе отказывает...

Удивительно, но никто из эскритеров не возмутился и не запротестовал, они смотрели широко раскрытыми глазами на Ранессина, который наклонился над столом и спокойно встретил полный гнева взгляд Прайрата. Свет по всему банкетному залу замерцал и почти погас, оставив только два ярких пятна: алое и белое. И тени, что росли и становились все больше...

– Ложь, ненависть и жадность, – тихо проговорил Ликтор, – знакомые нам враги, которые с нами века. И не важно, под чьими знаменами они выступают.

Он встал и поднял руку, худой бледный человек, и Диниван снова ощутил яростную, не поддававшуюся контролю любовь, которая заставила его с благоговением склониться перед загадкой божественной цели, связать свою жизнь со службой у этого скромного и замечательного человека и Церковью, жившей в его душе.

С холодной точностью Ранессин нарисовал знак Древа в воздухе перед собой. Динивану показалось, что стол снова содрогнулся под его руками, и на сей раз он знал, что алхимик тут ни при чем.

– Ты открыл двери, которым следовало оставаться закрытыми навсегда, Прайрат, – провозгласил Ликтор. – В своей гордости и глупости ты и Верховный король призвали страшное зло в мир, уже и без того страдающий под тяжким бременем. Наша Церковь – *моя* Церковь – будет сражаться за каждую душу до тех пор, пока не наступит День подведения итогов. Я *отлучаю* тебя и короля Элиаса от Церкви, а также каждого, кто последует за вами в мир мрака и ошибок.

Дуос Оненподенсис, Феата Ворум Лексеран. Дуос Оненподенсис, Феата Ворум Лексеран!

За громopodobными словами Ликтора не последовали раскаты грома и не прозвучал рог, возвещавший божью кару, лишь вдалеке на башне Клавин пробили часы. Прайрат медленно поднялся на ноги, его лицо было бледным, как воск, губы дрожали и изогнулись в злобной гримасе.

– Ты совершил страшную ошибку, – прошипел он. – Ты глупый старик, а твоя великая Мать Церковь это всего лишь детская игрушка, сделанная из куска пергамента и клея. – Он дрожал от удивления и ярости. – Очень скоро мы предадим ее огню, и она будет гореть под душераздирающие крики твоих прихожан. *Ты совершил ошибку.*

Он повернулся и, стуча каблуками по выложенному плитками полу, направился к двери банкетного зала, окутанный алым, точно пламя, плащом. Динивану показалось, что он слышит жуткое обещание бойни в грохоте шагов уходившего священника, угрозу безжалостного и смертоносного пожара, в котором страницы истории превратятся в пепел.

Мириамель пришивала деревянную пуговицу к своему плащу, когда кто-то к ней постучал. Она удивилась, соскользнула с кровати и, ступая по холодному полу босыми ногами, пошла открыть дверь.

– Кто там?

– Откройте дверь, принце... Малахия. Пожалуйста, открой дверь.

Мириамель сняла засов и увидела стоявшего в плохо освещенном коридоре Кадраха, на потном лице которого отражался свет свечи. Он так быстро прошел мимо нее в крошечную комнатку и тут же закрыл локтем дверь, что Мириамель почувствовала, как легкий ветерок промчался совсем рядом с ее носом.

– Ты сошел с ума? – возмутилась она. – Ты не можешь вот так ко мне врываться!

– Прошу вас, принцесса...

– Убирайся! Немедленно!

– Миледи... – Кадрах рухнул перед Мириамель на колени, чем невероятно ее удивил. Его обычно красное лицо сильно побледнело. – Мы должны бежать из Санцеллана Эйдонитиса. Сегодня вечером.

Мириамель посмотрела на него сверху вниз.

– Ты действительно сошел с ума, – властным голосом заявила она. – О чем ты говоришь? Ты что-то украл? Я не уверена, что мне стоит и дальше тебя защищать, и я совершенно точно не собираюсь убегать из...

Кадрах прервал ее на полуслове.

– Нет, я ничего плохого не сделал, по крайней мере не сегодня, и сейчас опасность угрожает скорее не мне, а вам. И она огромная. Мы должны бежать!

Мириамель несколько мгновений не знала, что сказать. Кадрах действительно выглядел очень напуганным, что совсем не походило на его обычное сдержанное поведение.

Наконец он прервал молчание.

– Прошу вас, миледи, я знаю, что был не слишком надежным спутником, но я совершал и хорошие поступки. Умоляю, поверьте мне хотя бы раз. Вам грозит ужасная опасность!

– Какая?

– Прайрат здесь.

Мириамель почувствовала, как ее окатила волна облегчения. Дикие слова Кадраха все-таки ее напугали.

– Идиот. Мне это известно. Я вчера разговаривала с Ликтором. Я все знаю про Прайрата.

Приземистый монах поднялся на ноги. Мириамель заметила, что на его лице появилось решительное выражение.

– Это самое глупое из всего, что вы когда-либо говорили, принцесса. Вы очень мало о нем знаете, и вам следует благодарить судьбу за свое неведение. Благодарить по-настоящему! – Неожиданно Кадрах схватил ее за руку.

– Прекрати! Как ты смеешь!

Мириамель попыталась вцепиться ему в щеку, но Кадрах, продолжая крепко держать ее за руку, сумел отклониться, он оказался на удивление сильным.

– Кости святого Муирфата! – прошипел он. – Перестаньте вести себя, как полная дура, Мириамель! – Он наклонился и посмотрел на нее широко раскрытыми глазами, выдержав ее взгляд, и она мимолетно отметила про себя, что от него не пахнет вином. – Если мне придется обращаться с вами, как с ребенком, я так и сделаю, – прорычал монах и стал толкать ее назад, пока она не села на кровать, а потом навис над ней, сердитый и одновременно ужасно напуганный. – Ликтор отлучил Прайрата и вашего отца от Церкви. Вы понимаете, что это означает?

– Да! – почти крикнула Мириамель. – И очень рада!

– Только вот Прайрат *совсем* не рад, и здесь произойдет нечто очень плохое. Причем в самое ближайшее время. Вам ни в коем случае нельзя тут находиться.

– Плохое? Что ты имеешь в виду? Прайрат приехал в Санцеллан Эйдонитис один, в сопровождении дюжины стражников моего отца. Что он может сделать?

– А вы еще утверждаете, будто все про него знаете. – Кадрах с отвращением покачал головой, затем отвернулся и начал забрасывать в рюкзак Мириамель ее одежду и кое-что из других вещей. – Лично я не хочу стать свидетелем того, что он задумал, – заявил Кадрах.

Мириамель несколько мгновений озадаченно наблюдала за ним. Кто этот человек, который похож на Кадраха, но кричит, приказывает и хватает ее за руку, точно матрос с речной баржи.

– Я никуда не уйду, пока не поговорю с отцом Диниваном, – сказала она наконец, и ее голос прозвучал немного мягче.

– Прекрасно, – ответил Кадрах. – Как пожелаете. Просто подготовьтесь к отъезду. Я уверен, что Диниван согласится со мной встретиться – если нам удастся его найти.

Мириамель неохотно начала ему помогать.

– Скажи мне только одно, – проговорила она, – ты готов поклясться, что нам угрожает опасность? И ты ничего не натворил?

Кадрах замер, и впервые с тех пор, как он вошел в комнату, на лице у него появилась столь знакомая Мириамель полуулыбка, но она превратила его черты в маску невероятной печали.

– Мы все совершаем поступки, о которых потом жалеем, Мириамель. Мои ошибки заставляли нашего Бога плакать на Его великом троне. – Он покачал головой, недовольный тем, что тратит драгоценное время на разговоры. – Но опасность, о которой я говорю, реальна, и она уже стоит на нашем пороге. Мы с вами ничего не можем сделать, чтобы она стала меньше. Мы должны бежать. Трусам всегда удастся выжить.

Взглянув на его лицо, Мириамель неожиданно поняла, что совсем не хочет знать, какие поступки заставили Кадраха так сильно себя ненавидеть. Ее передернуло, она отвернулась и принялась искать сапоги.

Санцеллан Эйдонитис казался на удивление пустынным, даже для столь позднего часа. В некоторых общих комнатах несколько человек о чем-то разговаривали приглушенными голосами, в коридорах изредка попадались священники с зажженными свечами, спешившие по каким-то поручениям. Но, если о них забыть, они никого не встретили. Пламя факелов металось по стенам, словно его тревожил беспокойный ветерок.

Мириамель и Кадрах находились в заброшенной галерее на верхнем этаже, направляясь из коридора, где располагались комнаты для приезжавших сюда священников, в административное и церемониальное сердце Дома Бога, когда монах указал Мириамель на окутанный тенями альков с окном.

– Опустите свечу ниже, подойдите сюда и посмотрите, – тихо сказал он.

Мириамель пристроила свечу в щель между двумя плитками, наклонилась вперед и почувствовала, как холодный воздух ударил ей в лицо.

– И на что мне смотреть?

– Вон там, внизу. Видите мужчин с факелами?

Кадрах попытался показать ей в узкое окошко, куда посмотреть. Мириамель увидела во дворе примерно два десятка мужчин в доспехах и плащах, на плечах они держали копья.

– Да, – медленно проговорила она. Солдаты ничего особенно не делали, как ей показалось, только грели руки около обложенных камнями костров, горевших во дворе. – И что?

– Они из домашней стражи герцога Бенигариса, – мрачно ответил Кадрах. – Кто-то знает, что сегодня ночью здесь будут серьезные проблемы.

– Но мне казалось, что солдатам не разрешается брать с собой оружие в Санцеллан Эйдонитис. – От наконечников копий, точно языки пламени, отражался свет факелов.

– Сейчас здесь гостит герцог Бенигарис, поскольку он был приглашен на банкет Ликтора.

– А почему он не вернулся в Санцеллан Маистревис? – Мириамель отошла от окна, из которого отчаянно дуло. – Это же совсем рядом.

– Хороший вопрос, – ответил Кадрах, и на его лице, располосованном тенями, появилась кислая улыбка. – Действительно, почему?

Герцог Изгримнур проверил большим пальцем острый край Квалнира, удовлетворенно кивнул и убрал точильный камень и баночку с маслом в мешок. Это занятие всегда его успокаивало. Жаль, что придется оставить меч. Изгримнур вздохнул, снова завернул его в тряпку и засунул под матрас.

«Негоже идти на встречу с Ликтором с мечом, – подумал он, – и не важно, что с ним я буду чувствовать себя лучше. Сомневаюсь, что его страже это понравится».

Впрочем, Изгримнур не собирался встречаться с Ликтором напрямую. Вряд ли чужого монаха допустят в спальню главы Матери Церкви, но комната Динивана находилась совсем рядом, и секретаря Ликтора никто не охранял. Кроме того, Диниван знал Изгримнура и был о нем высокого мнения. Когда священник поймет, кто к нему пришел поздно вечером, он внимательно выслушает все, что намерен сказать ему герцог.

И все же Изгримнур чувствовал, что внутри у него все замирает, совсем как перед бесчисленными сражениями. Именно по этой причине он достал Квалнир, который покидал ножны не больше пары раз с тех пор, как герцог оставил за спиной Наглимунд, и уж точно он не использовал его по назначению, так что сделанный двернингами клинок просто не мог затупиться, но, когда ожидание становится невыносимым, мужчина может заняться приведением в порядок своего оружия. Сегодня вечером в воздухе повисло неприятное ощущение ожидания, напомнившее Изгримнуру берега Клоду во время сражения в Озерном крае.

Даже король Джон, закаленный в сражениях ветеран, нервничал в *ту* ночь, зная, что десять тысяч тритингов прячутся где-то в темноте за линией костров и что жители равнин не склонны придерживаться правил цивилизованного начала боя на рассвете, да и вообще никаких правил ведения войны.

Престер Джон той ночью пришел к костру, у которого сидел его юный друг риммер – Изгримнур тогда еще не унаследовал герцогство своего отца, – чтобы выпить с ним вина и поболтать. Они разговаривали, а король точил и полировал свой знаменитый Сияющий Коготь. Они проговорили всю ночь, сначала немного скованно, с длинными паузами, прислушиваясь к незнакомым звукам, потом, по мере того как приближался рассвет и стало понятно, что тритинги не собираются атаковать их ночью, свободнее и увереннее.

Джон рассказал Изгримнуру о своей молодости на острове Варинстен, который описывал как место, где живут отсталые и суеверные неотесанные деревенщины, и про первые путешествия по землям Светлого Арда. Изгримнура заворожили неожиданные картины юности короля. Престеру Джону было почти пятьдесят, когда они сидели у костра рядом с озером Клоду, и молодой риммер в своей жизни не знал другого короля. Но, когда он спросил Джона о его легендарной победе над красным драконом Шуракаи, тот отмахнулся от вопроса, как от назойливой мухи. Так же точно он не захотел говорить о том, как получил Сияющий Коготь, заявив, что эти истории уже множество раз звучали и всем надоели.

Теперь, сорок лет спустя, сидя в монашеской келье в Санцеллане Эйдонитисе, Изгримнур вспоминал и улыбался. Тот момент, когда Джон нервно точил свой меч, был на его памяти единственным, когда король испытывал подобие страха – по крайней мере перед сражением.

Герцог фыркнул. Замечательный старик уже два года лежит в могиле, а его друг Изгримнур сидит и страдает, в то время как должен исполнять свой долг во благо королевства Джона.

«Если Господь пожелает, Диниван станет моим герольдом. Он наделен умом и сумеет убедить Ликтора Ранессина встать на мою сторону, и мы найдем Мириамель».

Он накинул капюшон на голову, затем открыл дверь, и в комнату пролился свет факелов из коридора. Изгримнур прошел через комнату и погасил свечу, решив, что не стоит рисковать – вдруг она упадет на матрас, и начнется пожар.

Кадрах нервничал все сильнее. Они уже довольно долго ждали Динивана в его кабинете. Колокол на башне Клавин только что пробил одиннадцатый час.

– Он не вернется, принцесса, а я не знаю, где находятся его личные покои. Нам пора уходить.

Мириамель в задней части кабинета секретаря заглядывала сквозь щель в занавеси в большой зал для аудиенций Ликтора. Из-за того что в нем горел единственный факел, казалось, будто фигуры, нарисованные на высоком потолке, плавают в грязной воде.

– Зная Динивана, могу предположить, что его личные апартаменты находятся рядом с тем местом, где он работает, – сказала Мириамель, которая, услышав беспокойство в голосе монаха, снова почувствовала некоторое превосходство. – Диниван сюда вернется. Он даже свечи не погасил. Что ты так волнуешься?

Кадрах поднял голову от бумаг Динивана, которые старался незаметно просмотреть.

– Я был на сегодняшнем банкете. И видел лицо Прайрата. Он не привык, чтобы ему не подчинялись.

– Откуда ты это знаешь? И что делал на банкете?

– То, что было необходимо. Держал глаза открытыми.

Мириамель вернула занавес на место.

– Ты полон скрытых талантов, не так ли, Кадрах? Где ты научился открывать двери без ключа, как, например, в эту комнату?

У Кадраха сделался обиженный вид.

– Вы же сказали, что хотите с ним встретиться, миледи, и потребовали, чтобы я вас к нему отвел. Я подумал, что будет лучше войти внутрь, чем стоять в коридоре, дожидаясь, когда мимо пройдет охрана Ликтора или какой-нибудь монах, и они захотят узнать, что мы делаем в этой части Санцеллана.

– Похититель, шпион, мастер владения отмычкой – необычные таланты для монаха.

– Можете потешаться надо мной, если вам так хочется, принцесса. – На лице Кадраха появилось выражение, очень похожее на стыд. – Я не выбирал такую жизнь, или, точнее, думаю, принимал неправильные решения. Но увольте меня от ваших нападок до тех пор, пока мы не выберемся отсюда и не окажемся в безопасности.

Мириамель села в кресло Динивана и потерла замерзшие руки, посмотрев на монаха своим самым спокойным взглядом.

– Откуда ты родом, Кадрах?

– Я не хочу об этом говорить, – покачив головой, ответил он. – Моя уверенность в том, что Диниван не вернется, становится все сильнее. Мы должны уходить.

– Нет. И, если ты не перестанешь это повторять, я закричу. И тогда мы увидим, что сделают стражники Ликтора.

Кадрах выглянул в коридор и быстро закрыл дверь. Несмотря на холод, его волосы вокруг тонзуры свисали с одной стороны головы мокрыми от пота прядями.

– Миледи, прошу вас, умоляю, ради вашей собственной жизни и безопасности, пожалуйста, давайте уйдем отсюда прямо сейчас. Близится полночь, и угроза вашему благополучию с каждым мгновением становится все серьезнее. Просто... *поверьте* мне. – В его голосе появилось настоящее отчаяние. – Мы не можем больше ждать...

– Ты ошибаешься. – Мириамель нравилось, что к ней вернулся контроль над ситуацией. Она положила ноги в сапогах на заваленный бумагами стол Динивана. – Я могу ждать всю ночь, если потребуется. – Она попыталась снова наградить Кадраха суровым взглядом, но он расхаживал по кабинету у нее за спиной и ничего не заметил. – И мы не станем убегать посреди ночи, точно безмозглые идиоты, не поговорив сначала с Диниваном. Я доверяю ему гораздо больше, чем тебе.

– И, полагаю, тут вы правы.

Кадрах вздохнул, нарисовал в воздухе знак Дерева, затем взял со стола одну из толстых книг Динивана и опустил ее на голову Мириамель, которая тут же потеряла сознание и

соскользнула со стула на застеленный ковром пол. Проклиная себя, Кадрах наклонился, чтобы ее поднять, и замер, услышав в коридоре голоса.

– Ты действительно должен уйти, – сонно проговорил Ликтор. Он сидел, откинувшись на подушки на своей широкой кровати, на коленях лежала открытая книга «Эн семблис эйдонитис». – Я хочу немного почитать перед сном. Тебе необходимо отдохнуть, Диниван. День сегодня выдался трудный для всех нас.

Его секретарь отвернулся от разрисованных панелей на стенах, которые изучал.

– Хорошо, только не читайте слишком долго, Ваше Святейшество.

– Не буду. У меня быстро устают глаза при свете свечей.

Диниван мгновение не сводил с Ликтора взгляда, потом, неожиданно для самого себя, опустился на колени, взял его правую руку и поцеловал кольцо из илениита, которое тот носил.

– Да благословит вас Бог, Ваше Святейшество.

Ранессин посмотрел на него с беспокойством, смешанным с любовью.

– Похоже, ты действительно устал, дорогой друг. Ты очень необычно ведешь себя сегодня.

Диниван встал.

– Вы только что отлучили от Церкви Верховного короля, Ваше Святейшество. И это событие сделало прошедший день исключительно необычным, разве не так?

Ликтор отмахнулся от его слов.

– Это ничего не изменит. Король и Прайрат все равно будут делать, что захотят. А люди станут ждать, что произойдет дальше. Элиас не первый правитель, лишившийся расположения Матери Церкви.

– В таком случае почему вы это сделали? Зачем выступили против него?

Ранессин наградил его проницательным взглядом.

– Тебя послушать, так это не было твоим самым сильным желанием. Ты лучше других знаешь, почему я так поступил: мы не должны молчать, когда зло вылезает на свет, и не важно, есть у нас надежда что-то изменить или нет. – Он закрыл книгу. – По правде, я очень устал и вряд ли смогу читать. Скажи мне честно, Диниван, у нас есть хоть какая-то надежда?

Священник удивленно на него посмотрел.

– Почему вы спрашиваете *меня*, Ваше Святейшество?

– И снова ты демонстрируешь мне свою наивность, сын мой. Я знаю, что имеется множество вещей, которыми ты не обременяешь уставшего старика. Мне также понятно, что для твоей скрытности есть причины. Но скажи мне, учитывая то, что тебе известно, у нас есть надежда?

– Вы научили меня, что надежда есть всегда, Ваше Святейшество.

– Ха! – Ранессин улыбнулся с неожиданно довольным видом и опустился на подушки.

Диниван повернулся к юному служке, который спал в изножье кровати Ликтора.

– Не забудь закрыть на засов дверь, когда я уйду. – Паренек, уже задремавший, кивнул. – И никого не пускай в спальню Его Святейшества сегодня ночью.

– Хорошо, святой отец, не пущу.

– Прекрасно. – Диниван подошел к тяжелой двери и обернулся.

– Спокойной ночи, Ваше Святейшество. Да пребудет с вами Господь.

– И с тобой, – ответил Ранессин из глубины подушек.

Когда Диниван вышел в коридор, служка проковылял к двери, чтобы ее запереть.

Коридор был освещен еще хуже, чем спальня Ликтора. Диниван с беспокойством шурился, пока не увидел четырех стражников, стоявших по стойке «смирно» около окутанной тенями стены, мечи в ножнах на боку, пики зажаты в руках в латных рукавицах. Он с облегчением выдохнул и направился в их сторону по длинному коридору с высоким сводчатым потолком.

ком, размышляя, не стоит ли призвать еще четверых. Он знал, что не перестанет беспокоиться за безопасность Ликтора, пока Прайрат не отправится обратно в Хейхолт, а предатель Бенигарис – в свой герцогский дворец.

Диниван потер глаза, направляясь к стражникам. Он действительно очень устал, будто его выжали, как кусок тряпки, и повесили на веревку сушиться. Он решил зайти в свой кабинет и забрать оттуда кое-что, а потом отправиться спать. До утренней службы осталось всего несколько часов...

– Эй, капитан, – обратился он к стражнику, на шлеме которого увидел белое перо. – Думаю, тебе стоит позвать... позвать... – Диниван не договорил и удивленно уставился на солдата. Его глаза блеснули, словно булавки в глубине шлема, но были направлены куда-то за спину Динивана, как и глаза его товарищей. Все четверо не шевелились, точно превратились в статуи. – Капитан? – Диниван прикоснулся к руке стражника и обнаружил, что она стала жесткой, как камень. – Именем Усириса Эйдона, – пробормотал Диниван, – что здесь произошло?

– Они тебя не видят и не слышат, – раздался знакомый скрипучий голос. Диниван резко повернулся и увидел алую вспышку в конце коридора.

– Дьявол! Что ты сделал?

– Они спят. – Прайрат рассмеялся. – А утром ничего не вспомнят. Как злодеям удалось проскользнуть мимо них и убить Ликтора, будет загадкой для всех. Возможно, кое-кто посчитает, например Огненные танцоры, что произошло нечто вроде... *черного чуда*.

Ядовитый страх, мешавшийся с гневом, начал подниматься вверх из желудка Динивана.

– *Ты не причинишь вреда Ликтору.*

– И кто меня остановит? Ты? – презрительно рассмеялся Прайрат. – Ты можешь попросить все, что захочешь, человечек. Кричи, если пожелаешь, – никто не услышит ничего из того, что произойдет в этом коридоре, пока я отсюда не уйду.

– В таком случае я сам тебя остановлю. – Диниван достал из-под своего одеяния и выставил перед собой Дерево, висевшее на цепочке у него на шее.

– О, Диниван, ты выбрал не то призвание. – Алхимик сделал шаг вперед, и свет факела озарил его лысую голову. – Вместо того чтобы стать секретарем Ликтора, тебе следовало выступать в роли личного шута Бога. Ты не можешь мне помешать. Ты даже не представляешь, какую мудрость я обрел и какие силы мне подчиняются.

Диниван даже не пошевелился, когда Прайрат начал к нему приближаться, и стук его сапог эхом пронесся по коридору.

– Если ты считаешь, что, продав свою бессмертную душу за гроши, ты поступил мудро, я счастлив, что этого у меня нет. – Он чувствовал, что страх набирает силу, и старался говорить так, чтобы не дрожал голос.

Змеиная улыбка Прайрата стала еще шире.

– Это твоя ошибка – твоя и робких дураков, которые называют себя Хранителями манускрипта. Орден манускрипта! Собирающая сплетни компания ноющих, жалких ничтожеств, претендующих на звание ученых. А ты, Диниван, хуже всех. Ты продал *свою* душу за предрасудки и пустые заверения. Вместо того чтобы раскрыть глаза и увидеть тайны бесконечности, ты спрятался среди ползающих на коленях и целующих кольцо служителей церкви.

Динивана наполнила ярость, моментально прогнавшая страх.

– *Отойди!* – крикнул он, выставив перед собой Дерево, которое, казалось, вдруг ослепительно засияло, как будто само дерево начало гореть. – Ты не сделаешь больше ни шага, слуга гнусных господ, если только не убьешь меня сначала.

Глаза Прайрата широко раскрылись в наигранном удивлении.

– Ого! Оказывается, у маленького монаха есть зубы! Что ж, будем играть по твоим правилам... и я покажу тебе, что у меня они тоже острые.

Прайрат поднял руки над головой, и его красное одеяние начало развеваться, словно по коридору промчался порыв ветра. Пламя факелов будто ожило, а в следующее мгновение погасло.

– И запомни... – прошипел Прайрат из темноты. – Я теперь владею Словами Изменения!
И никому не служу!

Дерево в руке Динивана вспыхнуло еще ярче, но Прайрат оставался погруженным в тень. Голос алхимика зазвучал громче, он начал скандировать слова на незнакомом языке, от одного звука которого у Динивана заболели уши, а на шее как будто затянулась веревка, причинявшая ему невыносимые страдания.

– Во имя Высшего Бога... – крикнул Диниван, но по мере того как песнопение Прайрата приближалось к кульминации, оно, казалось, разбивало слова его молитвы еще прежде, чем он их произносил. Диниван начал задыхаться. – Именем... – Его голос смолк, а в тених перед ним заклинание Прайрата превратилось в ворчливую, задыхавшуюся пародию речи, когда алхимик подвергся какой-то мучительной трансформации.

Там, где только что стоял Прайрат, раскачивалась неузнаваемая подвижная тень, которая извивалась, растягивалась в сложные, замысловатые петли, становившиеся все больше и больше, пока они не заслонили собой даже свет звезд, и коридор погрузился в крошечный мрак. Легкие свистели, точно кузнечные мехи, а потом смертоносный, древний холод окутал коридор невидимой стужей.

С криком наполненной ужасом ярости Диниван бросился вперед, пытаясь ударить невидимое чудовище священным Деревом, но обнаружил, что его, точно тряпичную куклу, схватил какой-то массивный и одновременно жутко нереальный отросток. Они принялись сражаться, заблудившись в ледяном мраке. Диниван вскрикнул, когда почувствовал, как нечто начало проникать в его наполненную ужасом сущность, скреблось в голове пылающими пальцами, пытаясь открыть сознание, точно банку с джемом. Он отбивался изо всех сил, стараясь удерживать в метавшихся мыслях образ святого Эйдона, и ему показалось, будто он услышал, что существо, схватившее его, вскрикнуло от боли.

Но тень становилась все более плотной и сильнее сжимала его тело, жуткий, ломавший кости кулак из бесформенной массы и свинца. Кислое, холодное дыхание, подобное кошмарному поцелую, коснулось щеки Динивана.

– Именем Господа Бога... и Ордена... – простонал Диниван.

Животные звуки и жуткое тяжелое дыхание начали затихать, ангелы наполненного болью, обжигающего света проникли в голову Динивана, принялись там танцевать, приглушая мрак, оглушая его своей безмолвной песней.

Кадрах вытащил безвольное тело Мириамель в коридор, на ходу давая клятвы самым разным святым, богам и демонам. В коридоре было темно, только тонкие лучики звездного света проникали сквозь окна у него над головой, но не увидеть скорченное тело священника, похожее на брошенную куклу и лежавшее посреди коридора в нескольких шагах от них, было невозможно. Так же как не услышать крики и визг, доносившиеся из спальни Ликтора в конце коридора, где на полу лежала расколотая тяжелая деревянная дверь.

Шум резко прекратился после того, как прозвучал сдавленный вопль отчаяния, постепенно превратившийся в булькающее шипение. На лице Кадраха появился ужас. Он наклонился, взял принцессу на руки, потом перекинул через плечо и неуклюже согнулся, чтобы подобрать сумку с вещами. Затем он выпрямился и, покачиваясь, поплелся прочь от сцены катастрофы в конце коридора, стараясь не упасть.

За углом коридор стал шире, но и здесь не горел ни один факел. Кадраху показалось, что он видит окутанные тенью фигуры стоявших на посту стражников, неподвижных, точно

статуи. В коридоре со сводчатым потолком у него за спиной слышались неторопливые шаги, и Кадрах поспешил вперед, проклиная скользкие плитки пола.

Коридор снова свернул, и они оказались в большом вестибюле перед входом во дворец, но, когда Кадрах собрался пройти под аркой, он налетел на какое-то препятствие, твердое, точно кусок железа, хотя в дверном проеме ничего не видел, только воздух. Оглушенный, потрясенный, он споткнулся и повалился назад, и Мириамель соскользнула с его плеча на твердый пол.

Звук приближавшихся шагов стал громче. Кадрах, охваченный паникой, вытянул перед собой руку и наткнулся на противоестественную стену, невидимое, но жесткое и неподдающееся *ничто*. Оно было прозрачнее хрусталя, и сквозь него Кадрах ясно видел все, даже самые мельчайшие детали освещенной факелами комнаты за диковинным препятствием.

– Прошу тебя, сделай так, чтобы он ее не заполучил, – пробормотал монах и принялся отчаянно водить руками по странной стене, пытаясь найти хоть какую-то щель в невидимом препятствии. – Прошу тебя, пожалуйста!

– Подожди! – прошипел он вдруг. – Думай, идиот, думай!

Он тряхнул головой, сделал глубокий вдох, выдохнул и снова набрал в легкие воздух. Потом поднес ладонь к препятствию и тихо произнес одно-единственное слово. Мимо него промчался порыв холодного воздуха, взметнув гобелены на стенах, и барьер исчез.

Он протаскивал Мириамель по полу в одну из арок, выходивших из большого зала. Они скрылись из вида как раз в тот момент, когда Прайрат в своем красном одеянии появился в проходе, где мгновение назад находилось непреодолимое препятствие. Вдалеке зазвучали сигналы тревоги.

Красный священник остановился, как будто его удивило отсутствие барьера, однако повернулся и сделал знак рукой в ту сторону, из которой пришел, словно хотел стереть оставшиеся следы созданного им препятствия.

Его голос прогремел, отражаясь от стен во всех направлениях.

– Убийство! – закричал он. – В Дом Бога пробрались убийцы!

Когда эхо его голоса стихло, он мимолетно улыбнулся и направился в сторону апартаментов, которые ему выделили как гостю Ликтора.

Неожиданно ему в голову пришла мысль, он остановился в арочном проходе и, повернувшись, окинул комнату взглядом. Потом еще раз поднял руку и пошевелил пальцами. Один из факелов рассыпался искрами, и в следующее мгновение длинный язык пламени набросился на гобелены, висевшие в ряд на стенах. Древнее плетение вспыхнуло, огонь взметнулся вверх к балкам потолка, а затем начал быстро распространяться от стены к стене. В коридоре за ним разгорались новые пожары.

– Следует уважать предзнаменования, – ухмыляясь, сказал самому себе алхимик, и, радостно посмеиваясь, покинул дворец.

А коридоры Санцеллана Эйдонитиса начал быстро наполнять рокот испуганных и смущенных голосов.

Герцог Изгримнур поздравил себя с тем, что предусмотрительно прихватил свечу, в коридоре царил кромешный мрак. Где стража? И почему не горят факелы?

Но что бы тут ни произошло, Санцеллан вокруг него просыпался. Изгримнур услышал, как кто-то громко крикнул про убийство, сердце быстрее забилося у него в груди, и тут же зазвучали громкие голоса, на сей раз дальше. Несколько мгновений он размышлял, не стоит ли вернуться в свою крошечную келью, но потом решил, что, возможно, переполюх ему только на руку. Вне зависимости от причины тревоги – а он не сомневался, что это действительно убийство, – он сумеет отыскать секретаря Ликтора, не отвечая на утомительные вопросы стражей Ранессина.

Свеча в деревянном подсвечнике отбрасывала высокие тени на стены вестибюля, а когда шум стал громче и опасность, что его обнаружат, неминуемой, Изгримнур стал искать выход из зала и выбрал один из сводчатых проходов.

Вскоре на втором повороте он оказался в широкой галерее и увидел, что на полу среди кучи порванных штор лежит какой-то человек в сутане, а на него равнодушно взирают вооруженные стражники.

«Может, это статуи? – подумал Изгримнур. – Но, будь я проклят, статуи такими не бывают. Посмотри-ка, один из них наклонился к соседу, как будто что-то шепчет ему на ухо. – Изгримнур посмотрел на невидящие глаза, блестящие внутри шлемов, и почувствовал, как по спине у него пробежал холодок. – Да спасет нас Эйдон. Черная магия, вот что тут произошло».

К своему ужасу, он узнал человека, лежавшего на полу, как только его перевернул. Даже в свете свечи Изгримнур видел, что лицо Динивана посинело, тонкие полоски крови вытекли из ушей и высохали на щеках, точно красные слезы. А все тело напоминало мешок со сломанными ветками.

– Элизия, Матерь Божья, что здесь произошло? – громко простонал герцог.

Диниван открыл глаза, так напугав герцога, что тот чуть не выпустил голову священника из рук. Взгляд Динивана блуждал несколько мгновений и остановился на Изгримнуре. Возможно, причина была в свече, которую держал в руке герцог, но ему показалось, будто в глазах Динивана вспыхнул странный свет. Впрочем, он знал, что этот свет очень скоро погаснет.

– Ликтор... – выдохнул Диниван, и Изгримнур наклонился поближе к нему. – Позаботьтесь... о... Ликторе.

– Диниван, это я, – сказал он. – Герцог Изгримнур. Я пришел сюда, потому что ищу Мириамель.

– Ликтор, – упрямо повторил священник, его окровавленные губы отчаянно сражались со словами.

Изгримнур выпрямился, продолжая сидеть на полу.

– Хорошо.

Он принялся беспомощно оглядываться по сторонам, чтобы подложить что-то под раненую голову священника, но не нашел ничего подходящего. Тогда он опустил Динивана на пол, встал и прошел до конца коридора. Он уже знал, какая из комнат принадлежала Ликтору – возле нее валялись огромные куски двери, и даже мрамор на дверном проеме был обожжен и осыпался. И еще меньше сомнений вызывала судьба Ликтора Ранессина. Изгримнур окинул взглядом уничтоженную спальню и быстро вернулся в коридор, только сейчас заметив, что стены испачканы кровью, будто нанесенной на них громадной кистью. Изуродованные тела главы Матери Церкви и его юного слуги едва ли походили на человеческие: над ними настолько жестоко поглумились, что даже закаленное сердце старого солдата Изгримнура дрогнуло при виде такого количества крови.

Когда герцог вернулся к Динивану, он заметил, что в дальнем сводчатом коридоре появились языки пламени, но заставил себя не обращать на них внимания. Он потом решит, как будет отсюда выбираться. Он взял холодную руку Динивана.

– Ликтор мертв. Вы можете помочь мне найти принцессу Мириамель?

Священник несколько мгновений тяжело дышал, и герцог видел, что свет в его глазах постепенно гаснет.

– Она... здесь, – медленно проговорил священник. – Зовут... Малахия. Спросите комнатного слугу. – У него перехватило дыхание, но он почти сразу продолжал: – Увезите ее... в... Кванитупул... «Чаша Пелиппы». Там... Тиамак.

Глаза Изгримнура наполнились слезами. Этот человек должен был уже умереть. И только стальная воля заставляла его цепляться за жизнь.

– Я ее найду, – пообещал он. – И позабочусь о безопасности принцессы.

Неожиданно Диниван его узнал.

– Передайте Джошуа, – задыхаясь, сказал он, – я боюсь *фальшивых посланников*.

– Что это значит? – спросил Изгримнур, но Диниван молчал, а его свободная рука, точно умирающий паук, медленно ползла по груди, беспомощно касаясь ворота сутаны. Изгримнур осторожно достал Священное Дерево и положил ему на грудь. Однако священник из последних сил покачал головой, снова пытаясь достать что-то из-под своего одеяния. Изгримнур вытащил на свет цепочку с подвеской – золотым свитком и пером. Замок сломался, когда он ее потянул, и цепочка осталась лежать на влажных волосах Динивана, похожая на крошечную блестящую змейку.

– Отдайте... Тиамаку, – прохрипел Диниван.

Изгримнур его уже почти не слышал из-за гула голосов и треска пламени в коридоре. Герцог убрал цепочку в карман монашеского одеяния и поднял голову, удивленный неожиданным шевелением поблизости. Один из неподвижных стражей, озаренный пульсировавшим светом пожара, закачался и через мгновение с грохотом повалился вперед на пол, шлем покатылся по плиткам, а сам он застонал.

Когда Изгримнур снова посмотрел на Динивана, свет жизни уже погас в глазах священника.

Глава 16. Бездомные

Темнота в аббатстве была полной, тишину нарушало лишь неровное дыхание Саймона. Затем Сходи снова заговорила, и на этот раз ее голос совсем не походил на сладкий шепот.

– Вставай.

Какая-то сила начала его тянуть, оказывая давление, мягкое, как паутина, но сильное, точно железо. Против его собственной воли у Саймона напряглись мышцы, и он начал сопротивляться. Еще мгновение назад он отчаянно хотел встать, а теперь – изо всех сил старался лежать неподвижно.

– Почему ты со мной сражаешься? – раздраженно спросила Сходи и провела холодной рукой по его груди, потом опустила ее к животу.

Саймон отчаянно дрожал, дернулся, потерял контроль над своими конечностями, и воля девушки сжала его, как кулак. Невероятная и одновременно неосязаемая сила заставила его встать на ноги, и он покачнулся в темноте, пытаясь восстановить равновесие.

– Мы отдадим им меч, – ворковала Сходи. – Черный меч... о, мы получим такие чудесные подарки...

– Где... мои друзья? – прохрипел Саймон.

– Тише, глупыш. Иди во двор.

Саймон побрел через комнату, беспомощно спотыкаясь и налетая на разные препятствия, точно марионетка, которой управляет не слишком умелый кукловод.

– Сюда, – позвала Сходи. Входная дверь аббатства распахнулась на скрипучих петлях, наполнив комнату зловещим красным светом. Сходи стояла в проеме, и ветер развеивал ее светлые волосы. – Иди же, Саймон. Какая ночь! *Дикая* ночь!

Костер во дворе стал еще больше и выше, чем когда Саймон с друзьями сюда пришли. Огромный огненный маяк достигал в высоту покато́й крыши и заливал алым светом потрескавшиеся стены аббатства. Дети Сходи, маленькие и постарше, все до одного бросали в костер самые разные предметы: сломанные стулья, куски мебели, собранный в лесу неподалеку хвост, который окутывал шипящий пар. На самом деле, усердные хранители огня, казалось, швыряли в него все, что им попадалось под руки, – камни, кости животных, старые горшки и осколки цветного стекла из разбитых окон аббатства. Когда языки пламени с ревом взмывали вверх под порывами ветра, в глазах детей отражался его свет и они начинали сиять, словно глаза лисиц.

Саймон, спотыкаясь, вышел во двор, Сходи шагала за ним, не отставая ни на шаг. И тут ночь разорвал жалобный вой, горестный и одинокий. Медленно, точно лежащая на солнце черепаха, Саймон повернул голову в сторону зеленоглазой тени, сидевшей на вершине холма, нависшего над поляной. Когда волчица подняла морду и снова завывала, Саймон почувствовал, что его наполняет надежда.

– Кантака! – позвал он, и ее имя как-то странно прозвучало, слетев с непослушных губ.

Волчица не стала приближаться, оставаясь на вершине холма, снова завывала, и в ее голосе Саймон услышал страх и отчаяние, как будто она сказала ему об этом на человеческом языке.

– Мерзкое животное, – с отвращением заявила Сходи. – Они поедают детей и кричат на луну. Эта тварь не сумеет подойти к дому Сходи, ей не по силам разрушить заклинание.

Она посмотрела тяжелым взглядом в глаза волчице, и лай Кантаки превратился в стон боли. А еще через мгновение она повернулась и скрылась из вида. Саймон выругался про себя и снова попытался высвободиться, но по-прежнему оставался слабым, как новорожденный котенок, которого сильная рука держит за шкуру. Ему принадлежала только голова, но каждое движение давалось с огромным трудом. Он медленно повернулся в поисках Бинабика и Слудига и замер, широко раскрыв глаза от ужаса.

Он увидел две кучи бесформенного тряпья, одну большую, а другую поменьше на замерзшей земле у стены со сгнившей штукатуркой перед входом в аббатство. Саймон почувствовал, как слезы на его щеках превратились в жалящие льдинки, когда что-то заставило его повернуть голову обратно и сделать еще один послушный шаг к костру.

– Подожди, – сказала Сходи. Ее огромная ночная рубашка хлопала на ветру, и Саймон заметил, что она босиком. – Я не хочу, чтобы ты оказался слишком близко. Ты можешь обгореть и испортиться. Встань вон там. – Она махнула пухлой рукой на место в нескольких шагах от нее. Как будто он стал продолжением ее руки, Саймон вдруг понял, что неуверенно шлепает по растаявшей земле в ту сторону, которую Сходи указала. – Врен! – крикнула Сходи, которая, казалось, находилась в маниакально прекрасном настроении. – Где веревка? Ты куда подевался, Врен?

Темноволосый мальчишка выскочил из двери аббатства.

– Держи, Сходи.

– Свяжи его хорошенькие запястья.

Врен бросился вперед, скользя по замерзшей земле, схватил безжизненные руки Саймона, заломил их за спину и старательно связал длинной веревкой.

– Почему ты это делаешь, Врен? – задохнувшись, спросил Саймон. – Мы же были добры к тебе.

Хирка проигнорировал его вопрос, только сильнее затянул узлы, а когда закончил, положил маленькие руки Саймону на бедра и толкнул его туда, где лежали, скорчившись, Бинабик и Слудиг.

Как и у Саймона, у обоих руки были связаны за спиной. Бинабик открыл глаза, посмотрел на Саймона, и его белки сверкнули в тени. Слудиг дышал, но был без сознания, на светлой бороде замерзла струйка слюны.

– Друг Саймон, – прохрипел Бинабик, с трудом выговаривая каждое слово, потом сделал вдох, как будто собрался еще что-то сказать, но вместо этого замолчал.

Сходи наклонилась посреди двора и принялась рисовать круг на растаявшем снегу, посыпая его красноватым порошком, зажатым в кулаке. Закончив, она стала выводить руны на мягкой земле, высунув кончик языка, точно старательный ребенок. Врен стоял в нескольких шагах от Сходи и переводил взгляд с нее на Саймона и обратно, и на его лице застыла животная настороженность.

Дети, закончившие подкармливать костер, сгрудились возле стены аббатства. Одна из самых маленьких девочек села на землю в своей тоненькой тунике и начала тихонько всхлипывать; мальчик постарше небрежно погладил ее по голове, как будто хотел успокоить. Все дети завороченно наблюдали за движениями Сходи. Ветер превратил огонь в огромный, будто живой, столб огня, раскрасившего их серьезные маленькие лица в ярко-красный цвет.

– Ну, и где Хонса? – крикнула Сходи, которая выпрямилась и попыталась закутаться поплотнее в ночную рубашку. – Хонса!

– Я ее приведу, Сходи, – вызвался Врен и скрылся в тених возле угла аббатства, но уже в следующее мгновение появился снова с черноволосой девочкой хирка на год или два старше его самого.

Они несли вдвоем тяжелую корзину, которая то и дело ударялась о неровную землю, потом поставили ее возле распухших ног Сходи и быстро отошли к остальным детям. Врен тут же присел на корточки перед маленькой группой, достал из-за пояса нож и принялся нервно кромсать торчавший из мотка конец веревки. Саймон даже издали чувствовал напряжение мальчика и рассеянно подумал, что не понимает причины.

Сходи засунула руку в корзину и достала оттуда череп, челюсть которого держалась лишь на нескольких кусках высохшей плоти, и казалось, будто безглазое лицо раскрыло от удивления рот. Тут только Саймон увидел, что огромная корзина до верха наполнена черепами, и неожи-

данно понял, что произошло с родителями детей, и его онемевшее тело невольно содрогнулось, но он ощутил это движение смутно, как будто его сделал тот, кто находился на некотором расстоянии от него. Рядом черноглазый Врен, задумчиво нахмурившись, продолжал резать веревку. С замиранием сердца Саймон вспомнил, как Скоди сказала, что кроме других обязанностей Врен разделявает и готовит для нее еду.

Скоди выставила перед собой череп, и ее диковинно привлекательное лицо стало полностью сосредоточенным – так ученый изучает таблицы с формулами из высшей математики. Она раскачивалась из стороны в сторону, точно лодка в штормовом море, а ветер трепал ее ночную рубашку, и вдруг она запела высоким детским голосом:

В яме, в яме

*... В яме в поле, где крот с мокрым носом
поет песню холодного камня и земли, и серых костей,
тихую песенку холода и темной длинной ночи,
и копает глубоко, глубоко, где ползают белые черви
и спят мертвецы, глаза которых забиты землей,
где жуки откладывают маленькие белые яйца
и их хрупкие черные лапки скребут, скребут, скребут,
а мрак, как капюшон, накрывает всех, всех,
прячет их позор и имена,
имена мертвых, все ушли, бежали,
пустые ветра, пустые головы,
а наверху травой заросли камни, поля заброшены и опустели,
все ушло, что знали они,
и вот они плачут в глубине, стонут во сне,
у них нет глаз, но они плачут, призывая то, что утеряно,
в темноте они мечутся подо мхом и сорняками
в своих могилах, ни господа и ни рабы,
они лишились лиц и славы, стремления к знаниям и своих имен,
и все же они очень хотят вернуться и смотрят сквозь щели и
трещины
на тусклое солнце наверху и проклинают жестокую любовь
и мир, лишенный жизни, подумай о тревогах и борьбе
ушедший ребенок или жена,
заботы, что их сжигали, ужасные уроки, что остались
невыученными,
и все же они мечтают вернуться, вернуться, вернуться.*

Вернуться!

*В дыре в земле, под холмами
Где кожа, кости и кровь превращаются в мягкую грязь
И гниющий мир поет...*

Песнь Скоди продолжалась, словно была бесконечной, по кругу, вниз, точно черный водоворот в заросшем и забытом пруду. Саймон почувствовал, что тонет вместе с ней, его тащит за собой ее настойчивый ритм, и вскоре пламя костра, и обнаженные звезды, и сияющие глаза детей соединились в полосы света, а его сердце по спирали начало погружаться в темноту, сознание больше не ощущало связи ни с плененным телом, ни с действиями тех, кто его окружал. Шипение дурацкого шума наполнило его мысли. Смутные тени двигались по заснеженному двору, незначительные, как муравьи.

И тут одна из теней взяла в руку какой-то круглый бледный предмет и швырнула его в костер, а следом за ним горсть порошка, в небо потянулись пальцы малинового дыма, и Саймон больше ничего не видел. Когда дым рассеялся, костер горел, как прежде, но двор окутал тяжелый мрак. Красный свет, заливавший все строения, потускнел, словно старый закат в умирающем мире. Ветер прекратил дуть, но по земле аббатства пополз страшный холод, и, хотя тело практически больше Саймону не принадлежало, он почувствовал, как жуткая стужа проникает в его кости.

– Приди ко мне, леди Серебряная Маска! – крикнула самая большая фигура. – Говори со мной, лорд Красные глаза! Я хочу с вами обменяться. У меня есть красивая вещичка, которая вам понравится!

Ветер не вернулся, но костер начал раскачиваться из стороны в сторону, разбухая и содрогаясь, точно огромное животное, которое пытается выбраться из мешка. Холод стал еще сильнее, звезды потускнели, и в языках пламени появился темный рот и два черных пустых глаза.

– У меня для вас подарок! – ликуя крикнул кто-то большой, и Саймон, сознание которого ускользало, вспомнил, что ее зовут Сходи.

Некоторые дети плакали, но их голоса звучали приглушенно, несмотря на необычную тишину и застывший воздух.

Лицо в огне исказилось, и из распахнутого черного рта вырвался глухой, сердитый рев, медленный и глубокий, точно скрип горных корней. Если в нем и были какие-то слова, различить их не представлялось возможным. А через мгновение черты начали мерцать и рассеиваться.

– Останься! – крикнула Сходи. – Почему ты уходишь? – Она принялась дико озираться, размахивая руками, и восторг покинул ее лицо. – Меч! – завопила она, повернувшись к детям. – Прекратите реветь, тупые овцы! Где меч? Врен!

– Внутри, Сходи, – ответил мальчик.

Он держал на коленях одного из младших детей. Несмотря на диковинное ощущение дезориентации – или благодаря ему – Саймон не мог не обратить внимания на худые обнаженные руки Врена под оборванной курткой.

– Так принеси его, придурок! – выкрикнула Сходи, подпрыгивая на месте от охватившей ее дикой ярости. Лицо в языках пламени уже почти исчезло. – Неси сюда!

Врен вскочил, малыш соскользнул с его колен на землю, и его плач влился в общую какофонию. Врен вошел в дом, а Сходи снова повернулась к ревущему пламени.

– Вернись, вернись ко мне, – умоляла она исчезавшее лицо. – У меня есть подарок для моего Лорда и моей Леди.

Саймон почувствовал, что хватка Сходи слегка ослабла и он снова возвращается в свое тело – диковинное ощущение, будто он надевал плащ из мягких, щекочущих перьев.

Врен появился в дверях, и на его бледном лице застыло серьезное выражение.

– Слишком тяжелый, – крикнул он. – Хонса, Эндэ и остальные, идите сюда! Помогите мне!

Несколько детей подползли по снегу к двери аббатства, постоянно оглядываясь на ревущее пламя и размахивавшую руками Сходи, и, точно строй испуганных гусей, отправились за Вреном в темноту.

Сходи снова посмотрела безумными глазами на Саймона.

– Это же *твой* меч! – Лицо исчезло из пламени костра, но звезды, бледные, словно льдинки, по-прежнему едва заметно светили на небе, а огонь в костре продолжал танцевать и метаться, неподвластный ветру. – Ты знаешь, как его взять, знаешь ведь? – Ее взгляд был почти невыносимым.

Саймон промолчал, изо всех сил внутренне сражаясь с языком, который норовил начать что-то лопотать, точно он превратился в бессмысленного пьяницу, готового открыть этим жутким глазам все мысли, что у него имелись.

– Я *должна* отдать им меч, – зашипела Сходи. – Они его ищут, я знаю! Так мне сказали мои сны. Лорд и Леди сделают меня... *сильной*. – Она начала смеяться, пронзительно, как девчонка, и этот звук напугал Саймона не меньше, чем все остальное, что с ним произошло после захода солнца. – О, красавчик Саймон, – хихикала она, – какая дикая ночь! Принеси мне свой черный меч. – Она повернулась и крикнула в пустой дверной проем: – Врен! Иди сюда, развяжи ему руки!

Врен выскочил наружу, сердито хмурясь.

– Нет! – закричал он. – Он плохой! Он убежит! *Он тебя обидит!*

Лицо Сходи превратилось в злую маску.

– Делай, что я говорю, Врен. Развяжи его.

Мальчишка, охваченный яростью, бросился вперед, и Саймон заметил у него на глазах слезы. В следующее мгновение он грубо схватил Саймона за руки, засунул нож между веревками и, задышавшись, начал их пилить. Когда путы Саймона упали на землю, хирка повернулся и бросился назад, в аббатство.

Саймон встал и принялся медленно растирать запястья, думая о том, что может просто убежать. Сходи стояла к нему спиной и умоляюще что-то лопотала, обращаясь к костру. Краем глаза он посмотрел на Бинабика и Слудига, риммер по-прежнему не шевелился, но тролль пытался снять веревки.

– Возьми... возьми меч и беги, друг Саймон! – прошептал Бинабик. – Мы спасемся... как-нибудь...

Голос Сходи разорвал темноту ночи.

– Меч!

Саймон почувствовал, что он беспомощно отворачивается от своего друга, не в силах сопротивляться воле Сходи, и зашагал в сторону аббатства, как будто его толкала невидимая рука.

Внутри дети столпились у темного угла камина и безрезультатно пытались сдвинуть Шип с места. Врен еще больше помрачнел, когда появился Саймон, но уступил ему дорогу. Саймон опустился на колени перед жестким, неровным свертком из тряпок и шкур и развернул меч, чувствуя, что руки у него стали совсем неуклюжими.

Когда он ухватился за рукоять, обернутую веревками, огонь костра проник внутрь через дверь и раскрасил черную поверхность меча яркими красными полосами. Меч задрожал в руке Саймона, удивив его неожиданным и новым ощущением, почти похожим на голод или предвкушение. Впервые за все время Саймон почувствовал, что Шип – это нечто невероятно и отвратительно чуждое, но не мог ни выпустить его из рук, ни бежать. Он поднял меч. Клинок не показался ему невыносимо тяжелым, как бывало иногда, но обладал диковинным весом, словно Саймону пришлось вытаскивать его из ила со дна пруда.

Он почувствовал, что необъяснимая сила толкает его к двери. Каким-то непостижимым образом, хотя Сходи его не видела, она по-прежнему могла заставлять его двигаться, точно соломенную куклу. Он позволил ей вывести себя на залитый алым светом двор.

– Иди сюда, Саймон, – позвала она, широко расставив руки, словно любящая мать, когда он вышел из двери. – Иди сюда, встань со мной рядом.

– У него меч! – закричал с порога Врен. – Он тебя обидит!

Сходи пренебрежительно рассмеялась.

– Ничего он не сделает. Сходи слишком сильная. Кроме того, он мой новый любимчик. И я ему нравлюсь, так ведь? – Она протянула к Саймону руку, и он почувствовал, что Шип до предела наполняет жуткая, медлительная жизнь. – Только не разрывай круг, – весело ска-

зала она, как будто они во что-то играли, потом схватила Саймона за руку и потянула к себе, помогая поднять неуклюжую ногу и перешагнуть через круг из красной пыли. – Теперь они смогут увидеть меч!

Скоди триумфально сияла, потом положила розовую пухлую руку поверх его рук, крепко сжимавших рукоять Шипа, другую обвила вокруг его шеи и прижала Саймона к огромной груди и животу. Жар от костра размягчил его, как воск, огромное тело Скоди душило, точно в лихорадочном сне. Саймон был на голову ее выше, но не мог сопротивляться, словно превратился в младенца. Что она за ведьма такая?

Раскачиваясь из стороны в сторону, но не выпуская его, Скоди принялась выкрикивать слова на риммерспаке, и в пламени костра снова начали появляться черты жуткого лица. Сквозь слезы, выступившие на глазах из-за жара огня, Саймон увидел шевелившийся черный рот, который открывался и закрывался, точно у акулы, и его окутало ощущение жуткого холодного присутствия – оно изучало их, принохивалось с терпением хищника.

Неожиданно раздался громоподобный голос, и на сей раз Саймон различил слова в переплетении звуков, незнакомые и чужие, от которых у него заболели зубы.

Скоди вскрикнула от возбуждения.

– Это один из высших слуг лорда Красные глаза, как я и надеялась! Смотрите, господин, смотрите! Подарок, который вы хотели получить! – Она заставила Саймона поднять меч и взволнованно уставилась на тень, двигавшуюся в пламени, когда та снова заговорила. – Он меня не понимает, – прошептала Скоди, прижимаясь губами к шее Саймона с уверенностью давнишней любовницы. – Он не может найти правильную дорогу. Я этого боялась. Моих заклинаний недостаточно. Скоди придется сделать кое-что, чего она не хотела. – Она отвернулась от костра. – Врен! Нам нужна кровь! Возьми чашу и принеси мне кровь высокого.

Саймон попытался кричать и не смог. От жара внутри круга тонкие волосы Скоди окутывали ее лицо, точно клочья бледного дыма. Глаза стали холодными и какими-то нечеловеческими, точно осколки кувшина. – Кровь, Врен!

Мальчик стоял над Слудигом, держа в одной руке глиняную миску и приставив к шее риммера нож, казавшийся огромным в его маленьких пальцах. Не обращая внимания на Бинабика, который извивался на земле рядом с ним, Врен повернулся к Скоди.

– Все правильно, большого, – крикнула Скоди. – Я хочу оставить себе маленького! Потопись, Врен, тупой придурок, мне нужна кровь для костра. Немедленно! Иначе посланник уйдет!

Врен поднял нож.

– И неси ее осторожно! – снова закричала Скоди. – Ты не должен пролить ни капли внутри круга. Ты же знаешь, что малыши вылезают наружу, когда звучат заклинания, и какие они голодные.

Мальчик хирка неожиданно резко развернулся и медленно направился в сторону Скоди и Саймона, а его лицо исказилось от ярости и страха.

– Нет! – взвизгнул он, и на мгновение у Саймона появилась надежда, что мальчишка собрался напасть на Скоди. – Нет! – снова завопил Врен, размахивая ножом и не обращая внимания на слезы, которые текли по его щекам. – Зачем они тебе? Зачем тебе *он*? – Врен замахнулся ножом на Саймона. – Он слишком старый, Скоди! Он плохой! Не такой, как я!

– Ты что такое творишь, Врен? – Скоди испуганно прищурилась, когда Врен прыгнул вперед, в сторону круга, и нож в его руке, от которого отражался алый свет костра, взлетел вверх.

Саймон почувствовал обжигающую боль в мышцах, когда попытался увернуться от ножа Врена, но его держала на месте каменная рука. Пот заливал глаза.

– *Он* не может тебе нравиться, – визжал Врен.

С хриплым криком Саймон сумел сдвинуться в сторону настолько, что нож, направленный в ребра, не достиг цели, но оставил на спине след холодной серебристой боли. Нечто в пламени костра взревело, точно разъяренный бык, а потом Саймона окутал мрак, погасивший звезды.

Эoleyр оставил ее на мгновение одну, а сам вернулся через огромную дверь назад, чтобы взять еще одну лампу.

Пока Мегвин, охваченная ликованием, ждала возвращения графа Над-Муллага, она разглядывала каменные строения в пещере внизу и чувствовала, что с ее плеч свалился огромный груз. Вот он, город ситхи, древних союзников эрнистирийцев. Она его нашла! В какой-то момент Мегвин начала думать, что Эoleyр и все остальные правы и она сошла с ума, и вот теперь она смотрит на творение могущественных ситхи.

Все началось с беспокойных снов, которые и без того были темными и хаотичными, наполненными страдающими лицами тех, кого Мегвин любила. Потом среди них стали появляться другие образы. Она видела прекрасный город, украшенный знаменами, город цветов и завораживающей музыки, прятанный от войны и кровопролития. Впрочем, эти картины, всегда появлявшиеся в последние, ускользавшие мгновения сна и так отличавшиеся от кошмаров, все равно ее не успокаивали. Как раз наоборот, они были такими яркими и красочными, полными диковинных чудес, что Мегвин начала опасаться за состояние своего разума. А вскоре во время своих блужданий по тоннелям Грианспога она начала слышать шепоты в глубинах земли, поющие голоса, не похожие ни на что из пережитого ею прежде.

Мысль о древнем городе набирала силу и расцветала, пока не стала намного важнее всего, что происходило там, где светит солнце. Его сияние несло зло: дневная звезда была маяком беды, светильником, который поможет врагам Эрнистира найти и уничтожить ее народ. И только в самых глубинах горы, среди корней земли, недоступных для жестокой зимы, где все еще жили боги и герои прежних времен, они могли чувствовать себя в безопасности.

Сейчас Мегвин стояла над этим фантастическим городом – *ее* городом, – и ее наполняло огромное чувство удовлетворения. Впервые с тех пор, как ее отец король Ллут отправился сражаться со Скали Острым Носом, на Мегвин снизошли мир и покой. Да, каменные башни и купола в скалистом каньоне внизу не слишком походили на наполненный воздухом летний город из снов, но не вызывало сомнений, что перед ней творение нечеловеческих рук, к тому же находящееся в местах, куда с незапамятных времен не ступала нога ни одного эрнистирийца. И если здесь жили не ситхи, тогда кто? Разумеется, иначе и быть не могло, и это не вызывало сомнений.

– Мегвин? – позвал Эoleyр, скользнув в полуоткрытую дверь. – Вы где? – Услышав беспокойство в его голосе, Мегвин мимолетно улыбнулась, но так, чтобы он ничего не заметил.

– Здесь, разумеется, граф. Там, где вы велели мне оставаться.

Он подошел к ней и, встав рядом, посмотрел вниз.

– Боги камней! – сказал он, качая головой. – Это *настоящее* чудо!

Мегвин снова улыбнулась.

– А чего еще можно ждать от такого места? Давайте спустимся и отыщем тех, кто здесь живет. Вы же знаете, что нашему народу очень нужна помощь.

Эoleyр осторожно на нее посмотрел.

– Принцесса, я очень сомневаюсь, что там кто-то живет. Вы видите движение внизу? И нигде нет света, если не считать наших факелов.

– А с чего вы взяли, что Мирные не могут видеть в темноте? – заявила она, рассмеявшись над глупостью мужчин вообще, и даже таких умных, как граф Эoleyр.

Сердце так отчаянно колотилось у нее в груди, что смех грозился вот-вот вырваться на свободу. Безопасность! Какая головокружительная мысль! Кто или что сможет причинить им вред в объятиях древних защитников Эрнистира?

– Хорошо, миледи, – медленно проговорил Эoleyр. – Мы немного спустимся вниз, если этой лестнице можно доверять. Но ваши подданные за вас беспокоятся... – он поморщился, – и я тоже. Мы должны быстро вернуться в пещеру. Мы всегда можем прийти сюда снова, прихватив с собой еще людей.

– Конечно. – Мегвин махнула рукой, показывая, как мало ее волнуют его доводы.

Они вернутся сюда со *всеми* ее людьми и навечно здесь поселятся, и тогда ни Скали, ни Элиас, ни пропитанные кровью безумцы, живущие наверху, не смогут до них добраться.

Эoleyр взял Мегвин за локоть и с почти смешной осторожностью направил к лестнице. Ей же ужасно хотелось броситься вниз по вытесанным из грубого камня ступеням. Разве мог кто-то причинить им здесь вред?

Они спускались, точно две маленькие звезды в громадную пропасть, и пламя их факелов отражалось от бледных каменных крыш внизу. Эхо их шагов разгуливало по огромной пещере, отскакивало от невидимого потолка, бесконечное число раз повторялось и возвращалось к ним легким топотом, подобным шороху бархатных крыльев миллиона летучих мышей.

Несмотря на завершенность, город походил на скелет. Соединенные между собой дома были отделаны каменными плитками самых невероятных цветов, от белоснежного до бесконечного многообразия оттенков песочного, жемчужного и пепельно-серого. Круглые окна смотрели на гостей невидящими глазами, улицы из гладко отполированного камня напоминали следы улиток, расползшихся в разные стороны.

Когда они добрались до середины лестницы, Эoleyр остановился и прижал руку Мегвин к своему боку. В свете лампы его лицо, на котором застыло беспокойство, было почти прозрачным, и ей вдруг показалось, что она может прочесть все его мысли.

– Мы зашли слишком далеко, миледи, – сказал Эoleyр. – Ваши люди наверняка уже нас ищут.

– Мои люди? – переспросила Мегвин, отодвигаясь от него. – А разве они и не ваши тоже? Или вы теперь стоите намного выше простого племени напуганных жителей пещер, граф?

– Вы прекрасно знаете, что я совсем не это имел в виду, Мегвин, – резко ответил он.

«Мне кажется, я вижу боль в твоих глазах, Эoleyр, – подумала она. – Неужели необходимость подчиняться безумной женщине причиняет тебе страдание? Как я могла быть такой дурой и любить тебя, зная, что могу рассчитывать лишь на вежливую снисходительность в ответ».

– Вы можете уйти, когда пожелаете, граф, – сказала она вслух. – Вы во мне сомневались. Теперь, возможно, боитесь встретиться с теми, чье существование отрицали. Что же до меня, я никуда не собираюсь уходить и спущусь в этот город.

Изящное лицо Эoleyра наморщилось от раздражения. Когда он невольно испачкал подбородок сажей из лампы, Мегвин неожиданно стало интересно, как *она* сейчас выглядит. Долгие часы одержимости, когда она искала, копала, сражалась с засовом на огромной двери, всплыли в ее сознании, точно полузабытый сон. Сколько времени она провела внизу, в недрах горы? Мегвин с нарастающим чувством ужаса посмотрела на свои руки с засохшей грязью – она действительно должна выглядеть как сумасшедшая – но принцесса тут же с отвращением прогнала эту мысль. Разве подобные мелочи имеют значение в такой знаменательный час?

– Я не могу позволить вам здесь заблудиться, леди, – наконец сказал Эoleyр.

– Тогда идите со мной или заставьте меня силой вернуться в ваш жалкий лагерь. – Неожиданно ей самой не понравились собственные слова, но она не стала забирать их назад.

К ее удивлению, Эoleyр несколько не рассердился, на его лице лишь появилось выражение усталого понимания. Боль, которую она видела на нем раньше, никуда не делась, скорее спряталась где-то глубоко, просочившись на лицо.

– Вы мне обещали, Мегвин. Перед тем как я открыл дверь, вы сказали, что примете мое решение. Я не думал, что вы не держите слово. Ваш отец никогда не нарушал свои клятвы.

Мегвин обиженно от него отстранилась.

– Не нужно попрекать меня отцом!

Эoleyр покачал головой.

– И все же, миледи, вы обещали.

Мегвин стояла и смотрела на Эoleyра, что-то на его осторожном умном лице зацепило ее, и она не бросилась вниз по лестнице, как собиралась. Внутренний голос потешался над ее глупостью, но она ему не поддавалась.

– Вы только частично правы, граф Эoleyр, – медленно проговорила она. – Если вы не забыли, вам не удалось самому открыть дверь и мне пришлось вам помочь.

Он внимательно на нее посмотрел.

– И что?

– Компромисс. Я знаю, вы считаете меня упрямой или еще того хуже, но мне по-прежнему нужна ваша дружба. Вы прекрасно служили дому моего отца.

– Значит, сделка, Мегвин? – без всякого выражения спросил он.

– Если вы согласитесь, чтобы мы спустились до конца лестницы – до того места, где мы сможем ступить на выложенную плитками улицу города, – я развернусь и пойду с вами... если вы этого хотите. Обещаю.

Усталая улыбка коснулась губ Эoleyра.

– Вы обещаете, да?

– Клянусь Стадом Багбы. – Мегвин прикоснулась грязной рукой к груди.

– Здесь, внизу, вам бы лучше поклясться Черным Куамом. – Из его длинных волос, собранных в хвост, выскользнула черная лента и осталась лежать на плечах. – Хорошо, меня совсем не привлекает перспектива тащить вас вверх по лестнице против вашей воли.

– А вы бы и не смогли, – заявила довольная Мегвин. – Я слишком сильная. Давайте, пошли быстрее. Как вы сказали, нас ждет мой народ.

Они начали молча спускаться, Мегвин наслаждалась безопасностью теней и скалистых гор, Эoleyр погрузился в собственные мысли. Они внимательно смотрели под ноги, чтобы не оступиться, хотя лестница была достаточно широкой. Ступеньки, выщербленные и с трещинами, выглядели так, будто земля постоянно ворочалась в беспокойном сне, но работа мастеров, великолепная и изысканная, производила огромное впечатление. Свет лампы вырывал из темноты сложные рисунки, которые, пересекая ступеньки, поднимались на стены над лестницей, изящные, точно побеги молодых папоротников или крошечные перышки колибри. Мегвин не удержалась и с довольным видом повернулась к Эoleyру.

– Вы видите?! – Она поднесла лампу к стене. – Разве простые смертные могли бы сотворить такое?

– Я вижу, леди, – мрачно ответил Эoleyр. – Но на другой стороне лестницы нет такой стены. – Он показал на резко уходящий вниз склон каньона.

Несмотря на расстояние, которое они преодолели спускаясь по лестнице, до земли было еще довольно далеко, и падение вполне могло оказаться смертельным. – Пожалуйста, перестаньте так внимательно разглядывать рисунки, вы можете упасть.

– Я буду осторожна, граф. – Мегвин сделала реверанс.

Эoleyр нахмурился, возможно, из-за ее легкомыслия, но лишь молча кивнул.

Внизу огромная лестница раскрывалась, точно веер, охватывая дно каньона. Когда они вышли из-под нависавших стен пещеры, казалось, будто свет их ламп потускнел, ему стало не

под силу разгонять глубокий и всепоглощающий мрак. Здания, которые сверху представлялись хитроумными игрушками, теперь высились над ними, превратившись в фантастическое собрание окутанных тенями куполов и спиральных башен, уходивших в темноту, точно невероятной красоты сталагмиты. Мосты из будто живого камня протянулись от стен пещеры к башням, обвивая их, словно ленты. Из-за того, что различные части города соединялись узкими каменными переходами, складывалось впечатление, что это единое, живое и дышащее существо, а не артефакт, построенный из безжизненного камня, однако не вызывало сомнений, что в нем никого нет.

– Ситхи давно ушли отсюда, леди, если вообще когда-то тут жили, – мрачно сказал Эoleyр, но Мегвин показалось, что она услышала в его голосе нотку удовлетворения. – Пора возвращаться.

Мегвин с отвращением на него посмотрела. Неужели в нем совсем нет любопытства?

– В таком случае, что *это*? – спросила она, показывая на едва различимое сияние недалеко от центра окутанного тенями города. – Если не свет лампы, тогда я риммер.

Граф внимательно посмотрел и осторожно проговорил:

– Похоже... Но вполне может быть и чем-то другим. Например свет падает откуда-то сверху.

– Я много времени провела в тоннелях, – ответила Мегвин, – и уверена, что солнце наверху давно зашло. – Она прикоснулась к его руке. – Пойдемте посмотрим, Эoleyр, пожалуйста! Ну не будьте вы таким стариканом! Неужели вы сможете отсюда уйти, не выяснив, что там такое?

Граф Над-Муллах нахмурился, но она заметила и другие эмоции, пытавшиеся выбраться на поверхность. Она не сомневалась, что он тоже хотел знать, что светится вдалеке. Именно его открытость завоевала ее сердце. Как он мог служить послом ко всем дворам Светлого Арда и одновременно быть безоблачно предсказуемым, точно ребенок.

– Пожалуйста, – повторила она.

Эoleyр проверил масло в лампах и лишь после этого ответил:

– Хорошо. Но только чтобы вы успокоились. Я не сомневаюсь, что вы нашли место, которое когда-то принадлежало ситхи или еще более древним людям, обладавшим утерянным в наше время мастерством. *Они* не смогут спасти нас от нашей судьбы.

– Как скажете, граф. Давайте поспешим!

И она потянула его за собой, в город.

Несмотря на уверенность Мегвин, каменные дорожки выглядели так, будто по ним уже давно никто не ходил, и на них лежал толстый слой пыли. Они шли довольно долго, Мегвин почувствовала, что ее воодушевление начинает отступать, и ей становилось невероятно грустно, когда свет ламп выхватывал из темноты высокие башни и открытые пространства. Она снова подумала про кости, словно они брели через изуродованную временем грудную клетку какого-то невозможного зверя. Шагая по извивавшимся улицам заброшенного города, Мегвин вдруг почувствовала, что он ее поглощает, и впервые невероятная глубина и бесконечные фантомы камня между нею и солнцем показались ей гнетущими.

Они прошли бесчисленное множество пустых отверстий в резных каменных фасадах, гладкие края которых говорили о том, что когда-то их плотно заполняли двери. Мегвин представила, что из темноты на нее смотрят глаза – не злобные, а наполненные печалью, глаза, следящие за нарушителями их покоя, скорее с сожалением, чем с гневом.

Оказавшись среди гордых руин, дочь Ллута почувствовала невероятную тяжесть на сердце от того, чем не стал и никогда не станет ее народ. Несмотря на огромные, залитые солнцем поля, где они могли бы счастливо жить, эрнестирийские племена позволили загнать себя в горные пещеры. Эрнестирийцев бросили даже их боги. По крайней мере ситхи сохранили о себе память в великолепно обработанном камне. Ее народ строил из дерева, и даже кости

воинов, оставшихся в долине Иннискрич, исчезнут с лица земли по мере того, как будут проходить годы. И скоро от эрнистирийцев совсем ничего не останется.

Если только кто-то их не спасет. Но не вызывает сомнений, что никто, кроме ситхи, на такое не способен – и куда они ушли? Она была уверена, что они скрылись в глубинах земли, но теперь начала думать, что перебрались еще в какое-то место.

Мегвин искоса посмотрела на Эoleyра, граф молча шагал рядом с ней, разглядывая великолепные башни, точно крестьянин, живущий на границе Сиркойла и впервые оказавшийся в Эрнисдарке. Глядя на его лицо с тонким носом и растрепавшиеся черные волосы, Мегвин вдруг почувствовала, что любовь к нему вырвалась из того места, где, как ей казалось, она была спрятана, безнадежная и неоспоримая, причинявшая такую же боль, как горе. Воспоминания вернули Мегвин на двадцать лет назад, когда она увидела его впервые.

Она была тогда еще совсем девочкой, но уже высокой, как взрослая женщина, с отвращением вспоминала Мегвин. Она стояла за тронном отца в большом зале в Таиге, когда граф Над-Муллаха прибыл, чтобы принести традиционную клятву верности королю. В тот день он казался ей таким молодым и стройным, с блестящими, как у лиса, глазами, явно нервничал, но его переполняла невероятная гордость. *Казался* молодым? На самом деле он *был* молодым, не больше двадцати двух лет, и отчаянно сражался с весельем юности. Он поймал взгляд Мегвин, которая с любопытством посматривала на него через высокую спинку кресла Ллута, и она стала пунцовой от смущения, Эoleyр улыбнулся, продемонстрировав ей ослепительно-белые, маленькие острые зубы, и у нее появилось ощущение, будто он нежно откусил кусочек ее сердца.

Разумеется, Мегвин знала, что для него это ничего не значило. Она была тогда совсем девочкой, но уже знала, что ее ждет судьба неуклюжей королевской дочери и старой девы, женщины, которая все свое внимание отдает свиньям и лошадям и птицам со сломанными крыльями, а еще постоянно что-то сбрасывает со стола, потому что не умеет изящно ходить, сидеть и вести себя, как пристало настоящей даме. Нет, конечно, он просто улыбнулся девочке с широко раскрытыми глазами, но его невольная улыбка навсегда поймала ее в такие прочные сети, что она не могла их разорвать...

Ее размышления прервались, когда ограниченная с двух сторон стенами дорога, которую они выбрали, закончилась у широкой, приземистой башни, украшенной вырезанными в камне ползучими растениями и прозрачными цветами. Настежь распахнутая дверь напоминала черный беззубый рот. Эoleyр с подозрением посмотрел на окутанный тенью вход, прежде чем подойти к нему и заглянуть внутрь.

Башня оказалась на удивление просторной, несмотря на тени, висевшие у входа. Лестница, засыпанная мусором, уходила вверх у одной из внутренних стен, другая по периметру всей башни шла вниз в противоположную сторону. Когда они направили лампы на вход, мерцание света – почти совсем неразличимое – озарило то место, где лестница, которая вела вниз, исчезала из вида.

Мегвин сделала глубокий вдох – она на удивление не испытывала страха, оказавшись в столь невероятном месте.

– Мы повернем назад, как только вы скажете.

– Та лестница слишком опасна, – ответил Эoleyр. – Нам *следует* повернуть назад. – Он колебался, сражаясь с любопытством и ответственностью. Теперь уже не вызывало сомнений, что внизу что-то светилось. Мегвин посмотрела на слабый лучик, но промолчала. – Мы немного пройдем по другой.

Они шли по уходящей вниз винтовой лестнице около фарлонга, пока не оказались наконец в широком проходе с низким потолком. Стены и сам потолок украшали резные ползучие растения, трава и цветы – которые могли жить только наверху, под голубым небом и солнцем. На каменном гобелене рядом с ними бесконечно переплетались стебли и виноградная лоза.

Несмотря на огромные размеры панелей, рисунки нигде не повторялись. Да и сами картины были составлены из разных камней невероятных цветов и оттенков, которых оказалось великое множество, однако они не являлись мозаиками из отдельных плиток, в отличие от пола. Скорее складывалось впечатление, что сам камень обрел четкие и приятные очертания, как живая изгородь в саду, где стараниями садовников повторяла формы животных или птиц.

– Клянусь богами Земли и Неба, – выдохнула Мегвин.

– Мы должны повернуть назад, принцесса.

Однако в голосе Эoleyра не прозвучало особой убежденности. Здесь, на огромной глybине, время, казалось, замедлило свой бег или почти остановилось.

Они пошли дальше, молча разглядывая поразительные, вырезанные из камня картины. Наконец свет их ламп заглушило рассеянное сияние в дальнем конце тоннеля. Когда Мегвин и Эoleyр из него вышли, они оказались в огромной пещере, где окутанный тенями сводчатый потолок терялся где-то далеко наверху.

Они стояли на широкой площадке над огромной, но не глубокой каменной чашей.

По всему периметру арены, шириной в три броска камня, шли скамейки из рассыпавшегося халцедона, как будто когда-то здесь устраивали разнообразные зрелища или поклонялись богам. В открытом центре чаши сиял дымчатый белый свет, подобный слабому солнцу.

– Куам и Бриниох! – тихо выругался Эoleyр, в голосе которого появился намек на страх. – Что это такое?

Посреди арены на алтаре из тусклого гранита стоял огромный кристалл с острыми углами, мерцавший, словно блуждающие огни на кладбище. Сам камень был молочно-белого цвета, с гладкими плоскостями и грубыми краями, точно неровный кусок кварца. Его диковинный нежный свет медленно становился ярче, потом гас и снова разгорался – в результате древние скамьи, расположенные к нему ближе остальных, пропадали из вида и появлялись снова.

Когда Мегвин с Эoleyром подошли к необычному предмету, на них пролился его бледный свет, и холодный воздух стал заметно теплее. У Мегвин на мгновение перехватило дыхание от причудливого великолепия, открывшегося ее глазам. Они с Эoleyром долго смотрели в снежное сияние, наблюдая, как нежные цвета в глубине камня быстро, точно ртуть, сменяют друг друга – желтый и коралловый и бледно-лавандовый.

– Как же красиво, – сказала наконец Мегвин.

– Да.

Завороженные потрясающим зрелищем, они стояли, не в силах сдвинуться с места. А потом с очевидной неохотой граф Над-Муллах отвернулся и сказал:

– Но здесь больше ничего нет, миледи. Ничего.

Однако прежде чем Мегвин ему ответила, белый камень неожиданно ярко вспыхнул, его сияние начало набирать силу и расцветать, словно родилась новая звезда, и вскоре ослепительный свет заполнил всю пещеру. Мегвин попыталась сориентироваться в море наводившего ужас великолепия и протянула руку к Эoleyру, но слепящий свет стер черты лица графа Над-Муллах, сделав их почти неразличимыми, дальняя от Мегвин сторона тела скрылась в тени, и он стал казаться половиной человека.

– Что происходит? – вскричала она. – Камень горит?

– Миледи! – Эoleyр попытался ее схватить и оттащить подальше от ослепительного сияния.

Дети Руяна!

Мегвин от неожиданности шарахнулась назад и оказалась в надежных руках Эoleyра. Камень заговорил женским голосом, который окружил их со всех сторон, как будто слова произнесли сразу много ртов.

Почему вы мне не отвечаете? Вот уже три раза я отправляла вам свои призывы. У меня больше нет моей силы! И я не смогу воззвать к вам снова!

Язык, на котором говорила женщина, был незнаком Мегвин, но каким-то непостижимым образом она его понимала, как родной эрнистирийский, а голос звучал так отчетливо и ясно, словно женщина находилась у нее в голове. Неужели ее настигло наконец безумие, которого она так опасалась? Однако Эoleyр тоже прижал руки к ушам, он, как и она, слышал этот нечеловеческий голос.

Народ Руяна! Я умоляю вас, забудьте о древней вражде и своих обидах. Гораздо более страшный враг угрожает всем нам!

Казалось, женщина говорила, прикладывая огромные усилия, в ее голосе звучали усталость и печаль, но еще и намек на огромное могущество, силу, от которой у Мегвин по телу побежали мурашки. Она прикрыла глаза расставленными пальцами и прищурилась, стараясь заглянуть в самое сердце ослепительного сияния, но ничего не увидела. Свет, хлеставший ее, толкал, точно порывы ветра. Неужели кто-то стоит посреди этого ошеломляющего света? Или, может быть, странные слова произносит сам камень? Мегвин вдруг поняла, что сочувствует тому, кто – или что – с таким отчаянием зовет кого-то, и одновременно пыталась прогнать безумную мысль об ожившем камне.

– Кто вы? – крикнула она. – Почему вы в камне? Уходите из моей головы.

Что? Наконец сюда пришел кто-то? Да будет благословен Сад! – неожиданно в голосе появилась надежда, которая на мгновение заменила усталость. – *О, моя древняя родня, черное зло угрожает земле, которую мы удочерили! Мне очень нужны ответы на мои вопросы... они могут спасти всех нас!*

– Леди!

Мегвин наконец заметила, что Эoleyр крепко держит ее за талию.

– Оно не причинит мне вреда! – сказала она ему и немного приблизилась к камню, пытаясь выбраться из его сильных рук. – Какие вопросы? – крикнула она. – Мы эрнистирийцы. Я дочь короля Ллута-аб-Ллитинна! А кто вы? Вы находитесь в камне? Вы здесь, в городе?

Свет, который испускал камень, потускнел и начал мерцать. После паузы голос заговорил снова, но на сей раз звучал более приглушенно, чем раньше.

Вы тинукедая? Я почти вас не слышу, – сказала женщина. – *Слишком поздно! Вы исчезаете. Если вы все еще можете меня слышать и готовы помочь в борьбе с древним врагом, приходите к нам в Джао э-Тинукай'и. Кто-то из вас должен знать, где он находится. –* Ее голос стал еще тише, пока не превратился в шепот, щекотавший уши Мегвин. Ослепительное сияние камня превратилось в слабый свет. *Многие ищут три Великих Меча. Послушайте меня! Это может стать для всех нас спасением или уничтожит. –* Камень начал пульсировать. – *Больше мне ничего не смогла сказать Роца Ежегодного Танца, все листья будут петь... –* Отчаяние наполнило стихавший голос. – *Я потерпела поражение, стала слишком слабой. Первая Бабушка бессильна... я вижу только приближение тьмы...*

Тихие слова наконец совсем смолкли, и говорящий камень потускнел до бледного сияния прямо на глазах у Мегвин.

– Я не смогла ей помочь, Эoleyр. – Она чувствовала себя опустошенной. – Мы ничего не сделали, а ее наполняла такая печаль.

Эoleyр мягко отпустил ее.

– Мы недостаточно понимаем, чтобы кому-то помочь, миледи, – тихо сказал он. – Нам самим требуется помощь.

Мегвин отошла от него, сражаясь со слезами гнева. Неужели он не почувствовал доброту и печаль той женщины? Мегвин ощущала себя так, будто она наблюдала, как прекрасная птица бьется в силках, а она ничего не может сделать.

Повернувшись к Эoleyру, Мегвин с удивлением увидела двигавшиеся в темноте искры света, которые спускались по проходам окутанной тенями арены.

Эoleyр проследил за ее взглядом.

– Щит Мурхага! – выругался он. – Я был прав, когда не доверял этому месту. – Он потянулся к мечу. – Встаньте за мной, Мегвин!

– Прятаться от тех, кто может нас спасти? – Она бросилась мимо его руки, пытавшейся ее удержать; мерцавшие в темноте огни приближались. – Это наконец-то ситхи! – Огоньки, розовые и белые, начали метаться точно светлячки, когда она сделала шаг вперед. – Мирные! – крикнула Мегвин. – Вы нужны вашим старым союзникам!

Слова, произнесенные шепотом из теней, явно слетали не с человеческих губ. Мегвин наполнило дикое возбуждение, она уже не сомневалась, что сны ее не обманули. Новый голос заговорил на древнем эрнистирийском языке, которым люди не пользовались несколько веков. Как ни странно, в нем прозвучал намек на страх.

– Наши союзники превратились в кости и пыль, как и большинство соплеменников. Что же вы за существа, что не боитесь Осколка?

Говоривший и его товарищи медленно выступили на свет. У Мегвин, считавшей, что она готова ко всему, возникло ощущение, будто сама гора зашевелилась у нее под ногами, и она вцепилась в руку Эoleyра, в которой тот держал меч, а граф Над-Муллага зашипел от удивления.

В первый момент их потрясли странные глаза незнакомцев, большие и круглые, лишенные белков. Моргавшие в свете ламп четверо «гостей» походили на испуганных зверюшек из ночного леса. Ростом со взрослого мужчину, болезненно худые, они сжимали в длинных паучьих пальцах блестящие прутья из какого-то прозрачного драгоценного камня. Тонкие светлые волосы обрамляли тонкие лица с изящными чертами, но одеты странные существа были в грубую одежду из шкур и пыльной кожи, обрезанную на коленях и локтях.

Меч Эoleyра с шипением покинул ножны, вспыхнув розовым светом в сиянии прозрачных прутьев.

– Отойдите назад! Кто вы такие?

Ближайшее к нему существо отступило на шаг назад и остановилось, на его худом лице появилось не вызывавшее сомнений удивление.

– Но это вы во владения вторглись наши. Ах да, вы Дети Эрна, как мы и подозревали. Смертные. – Он повернулся и сказал что-то своим спутникам на языке, подобном шелесту песни. Они с серьезным видом кивнули, а потом четыре пары глаз, похожих на блюдца, снова обратились к Мегвин и Эoleyру. – Нет. Мы поговорили. И наше условие – вы должны произнести ваши имена.

Удивляясь тому, как обернулся ее сон, Мегвин выпрямилась, держась за руку Эoleyра, и заговорила:

– Мы... мы являемся... Я Мегвин, дочь короля Ллута. Это Эoleyр, граф Над-Муллага.

Необычные существа принялись кивать головами на тонких шеях, снова заговорили между собой на своем мелодичном языке, а Мегвин и граф обменялись озадаченными, недоверчивыми взглядами и повернулись, когда тот, кто с ними разговаривал, издал едва различимый звук.

– Вы говорите с вежливостью. Значит, вы благородные люди своего народа, это правда? И обещаете не причинять нам вреда? К сожалению, прошло много времени с тех пор, как мы в последний раз имели дело с народом Эрна, и совершенно ничего про вас не знаем. Мы очень испугались, когда вы обратились к Осколку. Эoleyр сглотнул и спросил:

– Кто вы? И что это за место?

Вожак незнакомцев долго на него смотрел, и в его огромных глазах отражался свет их ламп.

– Йис-фидри, это я. Моих спутников зовут Шо-венэй, Имаи-ан и Йис-хадра, моя добрая жена. – Они по очереди склоняли головы, когда он их называл. – Город называется Мезуту'а.

Мегвин заворожили Йис-фидри и его друзья, но в глубине ее сознания появилась неприятная мысль. Вне всякого сомнения, они были странными, но совсем не теми, кого она ожидала увидеть...

– Вы не можете быть ситхи, – сказала она. – Где они? Вы их слуги?

На лицах странных существ с огромными глазами появилась тревога, они сделали несколько шагов назад и принялись что-то обсуждать на своем музыкальном языке. Через пару мгновений Йис-фидри повернулся к Мегвин и Эoleyру и заговорил немного резче, чем прежде.

– Мы служили когда-то другим, но с тех пор прошло много-много веков. Это они прислали вас за нами? Мы не вернемся. – Несмотря на вызов, прозвучавший в голосе Йис-фидри, в огромных печальных глазах и качавшейся голове было что-то жалкое. – Что вам сказал Осколок?

Эoleyр, который ничего не понимал, покачал головой.

– Простите нас, если мы покажемся вам грубыми, но мы никогда не видели подобных вам существ. Нас никто не отправлял на ваши поиски. Мы даже не знали о вашем существовании.

– Осколок? Вы имеете в виду камень? – спросила Мегвин. – Он много чего говорил. Я попытаюсь вспомнить. Но кто же все-таки вы такие, если не ситхи?

Йис-фидри не ответил, но медленно поднял худую руку с хрустальным прутом и направил его розовый холодный свет на место рядом с лицом Мегвин.

– Глядя на вас, скажу, что народ Эрна не слишком изменился с тех пор, как мы, горные тинукед'я с ними встречались, – грустно проговорил он. – Как получилось, что о нас совсем забыли, – разве так много поколений смертных пришло в этот мир, а потом его покинуло? Ведь наверняка земля сделала всего несколько оборотов с тех пор, как ваши бородатые соплеменники с севера нас знали. – Его лицо стало каким-то отстраненным. – Северяне называли нас двернинги и приносили подарки, чтобы мы делали для них красивые вещи.

Эoleyр сделал шаг вперед.

– Вас наши предки называли домайни? Но мы думали, что это всего лишь легенды, или по крайней мере ваш народ давно исчез с лица земли. Вы... дварры?

Йис-фидри слегка нахмурился.

– Легенды? Вы ведь принадлежите к народу Эрна, так? Как вы думаете, кто в ушедшие времена *научил* ваших предков в горах добывать полезные ископаемые? Это были мы. А имена не имеют значимости. Некоторые смертные называют нас дварры, другие – двернинги или домайни. – Он медленно и печально помахал в воздухе тонкими пальцами. – Всего лишь слова. Мы тинукед'я. Мы пришли из Сада, куда не сможем вернуться. Никогда.

Эoleyр убрал меч в ножны, тот звякнул, и эхо разнеслось по всей пещере.

– Вы искали Мирных, принцесса! Это странно или даже и того больше! Город в самом сердце горы! Дварры из наших древних легенд. Неужели мир под землей точно так же сошел с ума, как и тот, что находится наверху?

Мегвин была удивлена едва ли не меньше Эoleyра, но не знала, что сказать. Она грустно смотрела на дварров. Черная туча, которая на мгновение, казалось, отступила, снова заполнила ее мысли.

– Но вы не ситхи, – сказала она наконец ровным голосом. – Их здесь нет. И они нам не помогут.

Спутники Йис-фидри сдвинулись с места и образовали полукруг около Эoleyра и Мегвин, внимательно и с беспокойством за ними наблюдая, готовые в любой момент броситься бежать.

– Если вы пришли зида'я искать – тех, кого вы зовете ситхи, – осторожно начал Йис-фидри, – это наш огромный интерес, ведь мы здесь от них прячемся. – Он медленно кивнул. – Давным-давно мы не захотели больше подчиняться их воле и высокомерной несправедливости

и бежали. Мы думали, они про нас забыли, но оказалось, что ошиблись. Сейчас нас так мало, и мы невероятно устали, а они снова пытаются нас поймать. – В глазах Йис-фидри вспыхнул тусклый огонь. – Они даже зовут нас через Осколок, Свидетеля, который молчал много долгих лет. Они смеются над нами с помощью самых разных уловок, чтобы выманить.

– Вы прячетесь от ситхи? – удивленно спросил Эoleyр. – Почему?

– Мы и правда когда-то им служили, Дитя Эрнa. Но бежали от них. Теперь они хотят вернуть нас назад. Они говорят про мечи, чтобы завлечь нас, им известно, что мы всегда любили создавать подобные вещи, а Великие Мечи – лучшее из того, что мы сделали. Они спрашивают нас про смертных, о которых мы никогда не слышали, разве у нас сейчас могут быть какие-то отношения со смертными? Вы единственные, с кем мы встретились за целый век.

Граф Над-Муллаха ждал, что Йис-фидри продолжит, но он молчал, и тогда Эoleyр спросил:

– Про смертных? Вроде нас? Кого из смертных вам называли?

– Женщина зида'я, которую зовут Первая Бабушка, несколько раз говорила про... – дварр коротко переговорил со своими спутниками, – про Безрукого Джошуа.

– Безрукого!.. О Боги земли и воды, вы имеете в виду Джошуа Однорукого?! – Потрясенный Эoleyр не сводил с них глаз. – О святые небеса, это настоящее безумие! – Он тяжело опустился на одну из полуразрушенных скамеек.

Мегвин плюхнулась рядом. В голове у нее и без того все спуталось от усталости и разочарования, и уже не осталось сил удивляться, но, когда она отвернулась от робких огромных глаз озадаченных дварров и взглянула на Эoleyра, она увидела на его лице выражение человека, которого ударила молния в его собственном доме.

Саймон пришел в себя после полета через темные пространства и пронзительно вопивший ветер, который продолжал завывать, но по мере того, как мрак начал отступать, перед глазами у него расцветал красный свет.

– Врен, маленький идиот! – визжал кто-то рядом. – Кровь попала в круг!

Саймон попытался сделать вдох и почувствовал, как что-то на него давит, толкает вниз, и легкие отказываются подчиняться. На мгновение у него промелькнула мысль, что на него упала крыша. Пожар? Красный свет ревел и набирал силу. Неужели загорелся Хейхолт?

Но тут он увидел огромную фигуру в чем-то белом, развевавшемся на ветру. Казалось, она вытянулась до самых верхушек деревьев и дальше устремилась в небо. Лишь через некоторое время он сообразил, что лежит на ледяной земле, а над ним стоит Сходи, которая на кого-то орет. Сколько времени?..

Мальчик по имени Врен с выпученными на смуглом лице глазами извивался на земле неподалеку от Саймона, прижимая обе руки к горлу. К нему никто не подходил и не прикасался, а он отчаянно колотил ногами по замерзшей земле. Где-то рядом завывала Кантака.

– Ты плохой! – вопила Сходи, лицо которой стало малиновым от ярости. – Плохой Врен! Пролил кровь! Они сейчас ползут! Плохой! – Она сделала глубокий вдох. – *Наказание!* – Мальчишка извивался на земле, точно растоптанная змея.

За спиной Сходи из самого центра пульсировавшего огня за ней наблюдало окутанное тенью лицо, подвижный рот которого смеялся. Через мгновение бездонные черные глаза остановились на Саймоне, и их неожиданное прикосновение было подобно ледяному языку, лизнувшему его в щеку. Он попытался закричать, но непонятная огромная тяжесть давила ему на спину.

Маленькая мушка, – прошептал голос у него в голове, тягучий и темный, словно сама земля. Он преследовал Саймона во множестве снов, голос красных глаз и обжигающего мрака. – *Мы встречаем тебя в странных местах... а еще у тебя есть меч. Мы должны рассказать о тебе нашему Господину. Ему будет интересно.* – Голос замолчал, существо в пла-

мени костра, казалось, стало расти, а глаза превратились в холодные черные ямы в сердце преисподней. – *О, посмотри на себя, человеческий детеныш,* – ворковал он. – *У тебя идет кровь.*

Саймон вытащил из-под себя дрожащую руку, заинтересовавшись тем, почему ему кажется странным, что она его слушается. Когда он убрал ее с рукояти Шипа, он увидел, что его пальцы действительно испачканы кровью.

– Наказаны! – визжала Скости, и ее детский голос прервался. – Все будут наказаны! Мы должны были сделать подарок Лорду и Леди!

Снова завывала волчица.

Врен, лежавший лицом вниз у ног Скости, обмяк. А Саймон рассеянно смотрел, как земля вспучилась, закрыв от него бледное, скорчившееся тело мальчика. Через мгновение совсем рядом с ним появился еще один шевелившийся бугорок, частично оттаявшая земля разошлась в стороны с громким чавкающим звуком, и наружу вылезла тонкая темная рука, которая тянулась к тусклым звездам расставленными, точно лепестки черного цветка, пальцами с длинными когтями. Следом появилась еще одна, а за ней бледные глаза и голова размером не больше яблока. На сморщенном лице с черными усами расцвела улыбка, открыв острые, как иголки, зубы.

Саймон попытался увернуться, не в силах даже закричать. На земле появилась новая дюжина бугорков, потом еще. А через мгновение копатели начали выбираться наружу, точно черви из лопнувшего трупа.

– *Буккены!* – испуганно завопила Скости. – *Буккены!* Врен, маленький придурок, я же тебе говорила, чтобы ты постарался не пролить кровь в магическом круге! – Она принялась махать жирными руками на копателей, которые перебирались через визжавших детей, точно море пищащих крыс. – Я его наказала! – кричала Скости, показывая на неподвижно лежавшего на земле мальчика. – Уходите! – Скости повернулась к костру. – Прогоните их, господин! Заставьте уйти!

Пламя металось на ветру, но лицо в нем только наблюдало за происходящим.

– Помоги! Саймон! – охрипшим от страха голосом крикнул Бинабик. – Помоги нам! Мы все еще связаны!

Саймон перекатился, не обращая внимания на боль, и попытался подобрать под себя колени. Его спину сжимал узел, который не давал пошевелиться, словно его лягнула лошадь, и ему казалось, будто воздух у него перед глазами наполнен блестящими снежинками.

– Бинабик! – простонал он.

Волна визжавших черных существ оторвалась от основного скопления и потекла мимо детей в сторону стены аббатства, где лежали Слудиг и тролль.

– Остановитесь! Я вас заставляю! – Скости зажала уши руками, как будто хотела спрятаться от жалобных криков детей. Маленькая нога, бледная, как гриб, на мгновение показалась из массы копателей, и тут же снова исчезла. – *Остановитесь!*

Неожиданно земля вокруг нее словно взорвалась, куски студенистой грязи заляпали ночную рубашку, множество рук, похожих на паучьи лапы, обхватили икры, и копатели принялись взбираться вверх по ногам Скости, точно те превратились в два ствола. Ночная рубашка начала распухать, когда копатели, которых становилось все больше, стали забираться под нее, пока тонкая ткань не разорвалась, словно забитый до отказа мешок, открыв миру копошившуюся массу тощих ног, рук с когтями и глаз, почти полностью скрывших толстое тело Скости. Она широко открыла рот, собираясь закричать, в него тут же по самое плечо забралась худая рука, и глаза Скости вылезли из орбит.

Саймону наконец удалось встать на четвереньки, когда мимо него, словно молния, пронеслась серая тень и врезалась в извивавшуюся, громко стонавшую массу плоти, которая была Скости, и повалила ее на землю. Мяукающие крики копателей стали пронзительными и быстро превратились в вопли страха, когда Кантака принялась ломать им шеи и крушить черепа, с

ликованием подбрасывая в воздух маленькие тела. Через мгновение она с ними покончила и помчалась в сторону толпы копателей, набросившихся на Бинабика и Слудига.

Неожиданно пламя в костре вспыхнуло особенно ярко и поднялось на огромную высоту, а бесформенное существо внутри принялось хохотать. Саймон чувствовал, как его жуткое веселье высасывает из него жизнь и лишает сил.

Как весело, маленькая мошка, разве ты со мной не согласен? Подойди ко мне ближе, и мы посмотрим вместе.

Саймон пытался не обращать внимания на притяжение жуткого голоса и настойчивую силу слов. С трудом прогоняя боль, он поднялся на ноги и, спотыкаясь, начал отходить от костра и существа, прятавшегося в нем. Он опирался на Шип, как на костыль, хотя рукоять то и дело выскальзывала из покрытых кровью рук. Рана, оставленная Вреном у него на спине, превратилась в холодную боль и онемение, причинявшее ему страдание.

Существо, которое призвала Сходи, продолжало над ним потешаться, голос эхом разгуливал в голове Саймона, развлекаясь, как жестокий ребенок с пойманным насекомым.

Маленькая мошка, ты куда собрался? Иди сюда. Господин захочет с тобой встретиться...

Саймон изо всех сил старался не останавливаться, медленно направляясь в противоположную от страшного существа сторону, и ему казалось, будто жизнь вытекает из него, как песок. Визгливые голоса копателей и радостное, влажное рычание Кантаки звучали у него в ушах, точно далекий рев.

Он даже довольно долго не замечал вцепившиеся ему в ноги когти, а когда наконец посмотрел вниз, в паучьи глаза буккена, у него возникло ощущение, будто перед ним окно в какой-то другой мир, жуткое место, к счастью, отделенное от его собственного. И только после того, как острые когти начали рвать штаны, царапая кожу под ними, он вынырнул из подобного сну состояния и с криком ужаса врезал кулаком в сморщенное лицо. Но уже другие копатели карабкались по его ногам, и Саймон с отвращением принялся лягаться и подпрыгивать, чтобы от них избавиться, но, казалось, им нет числа, как термитам.

Шип снова задрожал у него в руках; не особо думая, Саймон поднял его, и черный клинок со свистом опустился на скопление злобных существ. Саймон почувствовал, как меч загудел, словно исполнял тихую песню. Став невероятно легким, Шип отрубал головы и руки, точно стебли травы, и черный гной и кровь текли по нему ручьями. Каждый взмах отзывался ослепительной болью в спине Саймона, но одновременно он чувствовал, как его наполняет безумный восторг. И даже когда все копатели, окружавшие его, сбежали или были убиты, он продолжал рубить гору трупов.

О, да ты у нас свирепая мошка! Иди к нам. – Голос, казалось, пробирался в голову Саймона, точно в открытую рану, и он сморщился от отвращения. – *Сегодня великая ночь, дикая ночь.*

– Саймон! – приглушенный крик Бинабика наконец разорвал иступление ненависти. – Саймон! Развяжи нас!

Ты же знаешь, что мы победим, маленькая мошка. Даже в это мгновение, далеко на юге, один из ваших величайших союзников терпит поражение... ощущает отчаяние... умирает...

Саймон повернулся и, спотыкаясь, направился к троллю. Кантака, морда которой до самых ушей была испачкана кровью, продолжала удерживать толпу прыгавших и визжавших копателей. Саймон снова поднял Шип и начал прорубать себе дорогу сквозь буккенов, убивая сразу по несколько штук, пока они наконец не убрались с дороги. Голос у него в голове что-то еле слышно бормотал почти без слов. Освещенный пламенем костра двор мерцал у Саймона перед глазами.

Он наклонился, чтобы разрезать веревки, связывавшие Бинабика, и у него так закружилась голова, что он чуть не упал на землю. Бинабик принялся водить веревкой об острый край Шипа, и вскоре ее обрывки оказались на земле. Он быстро пошевелил запястьями, чтобы вернуть в них жизнь, а потом повернулся к Слудигу. Сначала тролль попытался развязать узел, но у него не получилось.

– Давай, разруби веревку мечом, – начал он и вытаращил на Саймона глаза. – Камни Чукку! – вскричал он. – Саймон, у тебя вся спина в крови!

Кровь откроет дверь, мальчик-мужчина. Приди к нам!

Саймон попытался заговорить с Бинабиком и не смог. Вместо этого он выставил перед собой Шип и неуклюже ткнул острием Слудига в спину. Риммер, медленно приходящий в сознание, застонал.

– Когда он спал, они ударили его камнем по голове, – грустно сказал Бинабик. – Думаю, из-за того, что он такой большой. Меня они только связали. – Он начал пилить веревки Слудига Шипом, пока они не упали на заснеженную землю. – Ты справишься?

Саймон кивнул. Ему казалось, что голова у него стала слишком тяжелой для шеи, а грохот и рев в мыслях начали уступать место пугающей пустоте. Во второй раз за эту ночь он почувствовал, что его внутренняя сущность начинает выбираться из своей раковины, и испугался, что на этот раз возвращения назад не будет. Он заставил себя стоять прямо, в то время как Бинабик помогал еще не пришедшему в себя Слудигу подняться на ноги.

Господин ждет в Зале Колодца...

– Единственное, что мы можем сделать, – это бежать к конюшням, – крикнул Бинабик, стараясь перекрыть угрожающее рычание волчицы. Она отогнала копателей, и между ними и друзьями Саймона образовалось несколько ярдов открытого пространства. – Если Кантака побежит впереди, возможно, нам удастся туда добраться, но мы не должны медлить и колебаться.

Саймон покачался.

– Нужно забрать наши седельные сумки, – сказал он. – Из аббатства.

Тролль недоверчиво на него уставился.

– Это глупо!

– Нет, – Саймон, словно перебравший спиртного пьяница, покачал головой. – Я не уйду... без... Белой стрелы... Она... они ее не получат. – Он посмотрел через двор на шевелившуюся массу копателей, собравшихся в том месте, где раньше стояла Скоди.

Ты будешь стоять перед Поющей Арфой и услышишь Его сладостный голос...

– Саймон, – начал Бинабик и быстро сделал жест, защищавший кануков от безумцев. – Ты едва держишься на ногах, – проворчал он. – Я схожу.

Прежде чем Саймон ему ответил, тролль исчез в двери темного аббатства. Прошло довольно много времени, прежде чем он вернулся, за собой он тащил седельные сумки.

– Большую часть мы повесим на Слудига, – сказал Бинабик, с опаской поглядывая на поджидавших их копателей. – Он еще не совсем пришел в себя и не станет возражать. Так что он будет нашим вячным бараном.

Иди к нам!

Пока тролль навешивал сумки на удивленного риммера, Саймон посмотрел на круг бледных глаз, лишенных ресниц. Копатели тихо щелкали и пищали, как будто разговаривали между собой. Многие были одеты в какие-то грубые лохмотья, кое у кого Саймон заметил в тонких руках ножи с зазубренными лезвиями. Они смотрели на него и раскачивались, точно ряды черных маков.

– Ну, теперь ты готов, Саймон? – прошептал Бинабик. Саймон кивнул и выставил Шип.

Совсем недавно меч был легким, как веточка, но сейчас снова стал тяжелым, точно камень, и Саймон смог лишь держать его перед собой.

– Нихук, Кантака! – крикнул тролль, волчица сорвалась с места и бросилась вперед, широко раскрыв пасть.

Когда Кантака начала прокладывать дорогу сквозь ряды копателей, они принялись верещать от страха, размахивать руками и злобно скалиться. Саймон последовал за ней, тяжело двигая мечом из стороны в сторону.

Иди сюда. Под Наккигой тебя ждут бесконечные холодные залы. Те, что не знают света, поют, ждут тебя, чтобы приветствовать. Приди к нам!

Время, казалось, свернулось в клубок, и мир превратился в узкий тоннель красного света и белых глаз. Боль в спине начала нарастать и пульсировать в такт сердцу, поле зрения Саймона то расширялось, то становилось совсем узким по мере того, как он, спотыкаясь, брел вперед. Ревущие голоса, бесконечные, словно море, накатывали на него снаружи и изнутри. Он взмахнул мечом, зацепил себя, высвободил клинок и снова взмахнул. Какие-то существа тянулись к нему, когда он проходил мимо, некоторые умудрялись схватить и оцарапать кожу.

Тоннель сузился и почернел на короткое время, потом на несколько мгновений открылся. Слудиг, который что-то говорил, но так тихо, что Саймон его не слышал, помог ему забраться на спину лошади и засунул Шип в петли седла. Их окружали каменные стены, но, когда Саймон ударил пятками в бок своего скакуна, они вдруг исчезли, и он оказался под расчерченным деревьями ночным небом и сиявшими над головой звездами.

Время пришло, мальчик-мужчина. Кровь открыла дверь! Иди к нам, присоединяйся к нашему празднику!

– Нет! – услышал Саймон собственный голос. – Оставь меня в покое!

Он пришпорил коня и помчался в лес. Бинабик и Слудиг, которые еще не сели на своих скакунов, что-то кричали ему вслед, но их голоса потерялись в хохоте, наполнившем его мысли.

Дверь открыта! Приди к нам!

Звезды говорили с ним, убеждали уснуть, обещали, что когда он проснется, то окажется далеко от... глаз в огне костра... от... Скоди... тянувшихся к нему пальцев с когтями... от... он будет очень далеко от...

Дверь открыта! Приди к нам!

Ничего не замечая вокруг, Саймон мчался вперед по заснеженному лесу, пытаясь убежать от жуткого голоса. Ветки хлестали его по лицу, сквозь деревья на него смотрели холодные звезды. Проходили минуты, может быть, часы, но Саймон продолжал нестись вперед. Лошадь, казалось, почувствовала его возбуждение, из-под ее копыт в воздух летели фонтаны снега, когда они скакали вперед сквозь мрак ночи. Саймон был один, его друзья остались далеко позади, однако голос существа из пламени продолжал ликующе наполнять его мысли.

Иди к нам, мальчик-мужчина! Приди, обожженный драконом! Сегодня дикая ночь! Мы ждем тебя под ледяной горой!

Слова в голове Саймона были подобны туче огненных мух. Он вертелся в седле, колотил себя, закрывал уши и бил по лицу, стараясь прогнать мерзкий голос. Неожиданно перед ним выросло какое-то препятствие – пятно мрака, более глубокого, чем ночь. На мгновение он почувствовал, что у него остановилось сердце, но сразу понял, что это дерево. Всего лишь дерево!

Саймон так стремительно вылетел из седла, что ничего не смог сделать, чтобы этого избежать, у него возникло ощущение, будто его ударила гигантская рука, которая сдернула его со спины лошади, и он понесся вниз сквозь пустоту. Он падал, и звезды у него над головой начали тускнеть.

А потом спустилась черная ночь и накрыла собой все вокруг.

Глава 17. Незначительная ставка

День закончился, наполненное ветром небо нависло над лугами, точно пурпурный полог, и начали появляться первые звезды. Деорнот, который завернулся в грубое одеяло, пытаясь согреться, смотрел на едва различимые точки света и размышлял о том, что Бог, наверное, от них отвернулся.

Члены отряда Джошуа жались друг к другу в длинном узком загоне, огороженном деревянными кольями, глубоко вкопанными в землю и связанными веревками. Несмотря на кажущуюся ненадежность – во многих местах зияли большие дыры, сквозь которые Деорнот мог просунуть руку и большую часть плеча, – стены были крепкими, словно их построили из камня, скрепленного известковым раствором.

Деорнот взглянул на своих товарищей по несчастью, и его глаза остановились на Джелой. Женщина-ведьма держала на коленях Лелет и что-то тихонько напевала ей на ухо, обе смотрели на постепенно темневшее небо.

– Все это какое-то безумие – мы спаслись от норнов и копателей... и очутились здесь. – Деорноту не удалось скрыть печаль в своем голосе. – Джелой, вы знаете заклинания и разные магические формулы. Неужели вы не могли навести чары на тех, кто нас захватил – ну, не знаю, усыпить, например, или превратиться в ворона и напасть на них?

– Деорнот, – сказал Джошуа, и в его голосе прозвучало предупреждение, однако лесная женщина не нуждалась в защитниках.

– Ты не понимаешь, как работает Искусство, сэр Деорнот, – резко ответила Джелой. – Прежде всего, то, что ты называешь «магией», имеет свою цену. Если бы ее можно было просто использовать для того, чтобы победить дюжину вооруженных мужчин, в армиях принцев насчитывалось бы невероятное количество колдунов. Во-вторых, до сих пор никто не причинил нам вреда. И я не Прайрат. Я не расходую силу в кукольных спектаклях для любопытных и скучающих зрителей. Мои мысли занимает гораздо более страшный и опасный враг, чем кто бы то ни был в этом лагере.

Словно столь длинный ответ отнял у нее все силы – и правда, Джелой редко говорила так долго за один раз, – она замолчала, отвернулась и стала снова смотреть на небо.

Деорнот разозлился на себя, сбросил одеяло и встал. Вот до чего дошло. Что же он за рыцарь такой, если выговаривает пожилой женщине за то, что она не спасла его от опасности? Его передернуло от гнева и отвращения, и он принялся беспомощно сжимать и разжимать кулаки. Но что он может сделать? Разве у их потрепанного отряда остались хоть какие-то силы, чтобы что-то изменить?

Изорн пытался успокоить мать. Поразительная храбрость герцогини Гутрун помогла ей пережить выпавшие на их долю ужасы, но, похоже, она исчерпала все свои силы. Санфугол еще не поправился, и проку от него было немного. Тайгер самым настоящим образом поддался безумию. Старик лежал, скорчившись на земле и бессмысленно уставившись в пустоту, потрескавшиеся губы дрожали, когда отец Стрэнгъярд попытался дать ему напиток. Деорнот почувствовал, как внутри у него поднялась и обрушилась новая волна отчаяния, когда он медленно направился к грязному бревну, на котором, положив подбородок на руки, сидел Джошуа.

Наручник, который когда-то удерживал его в плену в подземной темнице Элиаса, по-прежнему свисал с тонкого запястья. Глубокие тени пересекали худое лицо Джошуа, но белки глаз блестели в темноте, когда он смотрел, как Деорнот уселся рядом. Оба довольно долго молчали. Вокруг раздавались голоса домашнего скота, крики и стук копыт лошадей тритингов, которые возвращали домой на ночь свои стада.

– Добрый вечер, друг, – сказал наконец принц. – Разве я не говорил, что это была жалкая попытка, в лучшем случае.

– Мы сделали то, что было нам по силам, ваше высочество. Никто не смог бы совершить больше, чем вы.

– Кто-то должен. – Казалось, к Джошуа на мгновение вернулось его сухое чувство юмора. – Он сидит на своем костяном троне в Хейхолте, пьет и ест перед ревущим в камине огнем, а мы ждем решения своей судьбы в загоне, где забивают скот.

– Король заключил грязную сделку, и он пожалеет о своем решении.

– Только, боюсь, нас не будет рядом, когда наступит расплата. – Джошуа вздохнул. – Больше всего мне жаль тебя, Деорнот. Ты самый верный из рыцарей. Печально, что ты не нашел лучшего лорда для своей преданности...

– Прошу вас, ваше высочество. – Деорнот находился в таком настроении, что слова принца причинили ему настоящую боль. – Кроме вас, я никому не хотел бы служить за пределами Небесного Царства.

Джошуа искоса на него посмотрел, но ничего не ответил. Мимо загона промчался отряд всадников, и колья зашевелились от поднятого ими ветра.

– Мы далеко от этого царства, Деорнот, – сказал наконец принц, – и одновременно всего в нескольких мгновениях. – Его лицо окончательно погрузилось в тени. – Я не слишком боюсь смерти. На меня давят надежды, которые я разрушил.

– Джошуа, – начал Деорнот, но принц положил руку ему на плечо, заставив замолчать.

– Не говори ничего. Это ведь правда. С того самого момента, как я сделал первый вздох, меня сопровождают несчастья. Моя мать умерла во время родов, вскоре после нас покинул лучший друг моего отца Камарис. Жена брата погибла, когда мне доверили заботиться о ее безопасности. Ее единственная дочь, Мириамель, сбежала от моей опеки, чтобы встретить одному Эйдону известно какую судьбу. Наглимунд, крепость, построенная так, чтобы выдерживать многолетнюю осаду, пала, когда я ею командовал, и огромное количество невинных людей встретили жуткую смерть.

– Я не могу все это слушать, мой принц. Неужели вы готовы взять на себя вину за все предательства и беды мира? Вы сделали все, что смогли.

– Разве? – серьезно спросил Джошуа, словно участвовал в дебатах с усирианскими братьями по поводу теологического постулата. – Я не уверен. Если все предопределено, тогда, возможно, я всего лишь жалкая нить в Божественном гобелене. Впрочем, некоторые говорят, что человек сам выбирает свою судьбу, даже плохую.

– Ерунда.

– Может быть. Но не вызывает сомнений, что над всеми моими начинаниями светит злая звезда. Ха! Как, наверное, дружно хохотали ангелы и демоны, когда я поклялся забрать у Элиаса трон из костей дракона! Я, с моей потрепанной армией священников, шутов и женщин! – Принц горько рассмеялся.

Деорнот почувствовал, как внутри у него снова разгорается гнев, но на сей раз причиной стал его лорд, которому он поклялся в верности. Он почти задышался и никогда не думал, что будет испытывать нечто подобное.

– Мой принц, – сказал он сквозь стиснутые зубы, – вы превратились в дурака, проклятого болвана. Священники, шуты и женщины! Я сомневаюсь, что армия вооруженных всадников смогла бы сделать больше, чем ваши шуты и женщины, – и, вне всякого сомнения, вряд ли они оказались бы храбрее! – Дрожа от ярости, он встал и побрел прочь по расплзшейся грязи загона, и ему казалось, будто звезды поменяли свое положение на небе.

Кто-то схватил его за плечо, с поразительной силой заставив повернуться, и Деорнот увидел перед собой напряженного Джошуа, который держал его на расстоянии вытянутой руки. Принц наклонил голову на длинной шее, словно хищная птица, приготовившаяся напасть на свою жертву.

– Что я тебе сделал, Деорнот, если ты так со мной разговариваешь? – Его голос звенел от напряжения.

В любой другой момент Деорнот упал бы перед ним на колени, устыдившись проявленного неуважения. Сейчас же взял себя в руки, постарался прогнать дрожь и, сделав глубокий вдох, ответил:

– Я могу любить вас, Джошуа, и ненавидеть то, что вы говорите.

Принц смотрел на него, и Деорнот не мог разгадать выражения его лица в вечерней темноте.

– Я плохо говорил про наших спутников. Это было неправильно. Но не сказал ничего дурного о тебе, сэр Деорнот...

– Элизия, Матерь Божья! – Деорнот почти всхлипнул. – Я не переживаю за себя! Что же до остальных, вы очень устали и произнесли эти слова, не подумав. Я знаю, что вы не имели в виду ничего плохого. Нет, именно *вы* являетесь жертвой ваших самых жестоких оценок! И по *этой* причине я назвал вас дураком!

Джошуа напрягся.

– Что?

Деорнот вскинул руки, чувствуя, как его наполняет нечто сродни головокружительному безумию Кануна дня летнего солнцестояния, когда принято носить маски и говорить правду. Но здесь, в загоне для скота, у них не было масок.

– Вы враг самому себе, причем настолько ужасный, что Элиас никогда таким не будет, – выкрикнул он, уже не заботясь, что их кто-то услышит. – Ваши обвинения в свой адрес, вина, невыполненный долг! Если бы сегодня Усирис Эйдон вернулся в Наббан и его снова повесили на Дереве в храмовом саду, вы бы нашли повод взять вину на себя! И не важно, *кто* говорит мерзости, я больше *не намерен* терпеть поношения хорошего человека!

Джошуа ошарашенно смотрел на него. Неожиданно тяжелое молчание нарушил скрип деревянных ворот, и в загон вошли около полудюжины мужчин с копьями в руках, которыми командовал тритинг по имени Хотвиг, пленивший их на берегу Имстрекки. Он сделал несколько шагов вперед и принялся оглядывать темный загон.

– Джошуа? Подойди сюда.

– Что вам надо? – тихо спросил принц.

– Марк-тан хочет тебя видеть. Прямо сейчас. – Двое из его людей опустили копья и подошли к нему.

Деорнот попытался поймать взгляд Джошуа, но принц отвернулся и медленно вышел из загона в сопровождении двух тритингов. Хотвиг закрыл высокие ворота, со скрипом вернулся на место деревянный засов.

– Вы ведь не думаете, что они... причинят ему вред, Деорнот? – спросил Стрэнгъярд. – Они же не сделают ничего плохого принцу, верно?

Деорнот опустился на грязную землю, по его щекам текли слезы.

В фургоне Фиколмия пахло жиром, дымом и промасленной кожей. Марк-тан поднял голову от куска мяса, который ел, кивнул Хотвигу, чтобы тот их оставил, а затем вернулся к ужину, предоставив Джошуа ждать, когда он обратит на него внимание. Джошуа заметил, что они не одни в фургоне. Мужчина, стоявший рядом с Фиколмием, был на голову выше Джошуа и почти таким же мускулистым и мощным, как сам марк-тан. Его гладко выбритое лицо с усами покрывали многочисленные шрамы, слишком аккуратные, чтобы быть случайными. Он с нескрываемым презрением ответил на взгляд принца и опустил одну руку с зазвеневшими браслетами на рукоять длинного кривого меча.

Джошуа мгновение смотрел в его прищуренные глаза, затем с небрежным видом отвернулся и окинул взглядом огромную коллекцию упряжи и седел, висевших на стенах фургона и потолке, мириады серебряных застежек которых сияли в свете огня.

– Похоже, ты стал ценить удобства, Фиколмий, – сказал Джошуа, глядя на коврики и вышитые подушки, разбросанные по деревянному полу.

Марк-тан поднял голову и сплюнул в огонь.

– Ха! Я сплю под звездами, как и всегда. Но мне требуется надежное место, где меня не услышат. – Он откусил кусок мяса и принялся энергично жевать. – Я не из тех, кто живет среди камней и носит панцирь, точно мягкотелая улитка. – Кость со стуком упала в яму, где горел огонь.

– Прошло много времени с тех пор, как и я спал за каменными стенами или в постели, Фиколмий. Впрочем, ты и сам это видишь. Ты позвал меня, чтобы сообщить, какой я мягкотелый? Если так, давай уже, говори, и отпусти меня к моим людям. Или ты собираешься со мной покончить? Парень рядом с тобой очень похож на любителя рубить головы.

Фиколмий, глаза у которого были красными, как у кабана, уронил обглоданную кость в огонь и радостно ухмыльнулся.

– Ты его не знаешь? А он тебя очень даже, верно, Утварт?

– Я его знаю. – Голос у тритинга оказался глухим и глубоким.

Марк-тан наклонился вперед и внимательно посмотрел на принца.

– Клянусь Четырехногим, – рассмеялся он. – У принца Джошуа больше седых волос, чем у старого Фиколмия. Жизнь в каменных домах быстро делает мужчину стариком.

Джошуа невесело улыбнулся.

– У меня выдалась трудная весна.

– У тебя! Надо же, трудная весна! – Фиколмий невероятно наслаждался происходящим.

Он взял чашу со стола и поднес к губам.

– Чего ты от меня хочешь, Фиколмий?

– Хочу не я, Джошуа, несмотря на грех, который ты совершил против меня. Речь про Утварта. – Он кивком показал на мрачного тритинга, стоявшего рядом. – Утварт всего на несколько лет младше тебя, но он еще не носит бороды, полагающейся мужчине. Знаешь почему?

Утварт зашевелился и сжал рукоять меча.

– У меня нет жены, – прорычал он.

Джошуа молча переводил взгляд с одного на другого.

– Ты умный человек, принц Джошуа, – медленно заговорил Фиколмий и сделал новый глоток из чаши. – Ты же понимаешь, в чем проблема. Невесту Утварта украли, и он поклялся, что не женится до тех пор, пока вор не умрет.

– Умрет, – повторил за ним Утварт.

Джошуа поморщился.

– Я не крал ничьей невесты. Воршева пришла ко мне, когда я покинул ваш лагерь. Она умоляла меня забрать ее с собой.

Фиколмий с грохотом опустил чашу на стол, пролив темное пиво в огонь, который зашипел, словно удивился.

– Будь ты проклят, неужели твой отец не сумел произвести на свет ни одного нормального мальчика? Какой мужчина станет прятаться за спиной женщины или позволит ей делать то, что она пожелает? Ее цена невесты была назначена! И все согласились!

– Кроме Воршевы.

Марк-тан вскочил с табурета и уставился на Джошуа так, словно принц был ядовитой змеей, его руки с выступавшими венами дрожали.

– Вы, жители городов, настоящая зараза. Наступит день, когда мужчины из племени Свободных тритингов отправят вас в море и сожгут ваши гнилые города в чистом пламени.

– Тритинги уже пытались, – спокойно глядя на него, сказал Джошуа. – Именно так мы с тобой встретились. Или ты забыл про неприятный факт нашего союза – против твоего собственного народа?

Фиколмий снова сплюнул, на сей раз даже не пытаясь попасть в огонь.

– Это был шанс увеличить мою силу. И он сработал. Сегодня я непререкаемый господин всех Высоких тритингов. – Он уставился на Джошуа, словно бросал ему вызов, вынуждая возразить. – Кроме того, договор я заключил с твоим отцом. Для жителя каменных городов он был могучим мужчиной. Ты же лишь его бледная тень.

Лицо Джошуа ничего не выражало.

– Мне надоели разговоры. Убей меня, если хочешь, но не утомляй болтовней.

Фиколмий прыгнул вперед, его огромный кулак врезался в висок Джошуа, и тот упал на колени.

– Гордые слова, червяк! Мне бы следовало прикончить тебя собственными руками! – Марк-тан навис над принцем, его широкая грудь тяжело вздымалась. *Где моя дочь?*

– Я не знаю.

Фиколмий схватил Джошуа за потрепанную рубашку и рывком поставил на ноги. Утварт, наблюдавший за ними, раскачивался из стороны в сторону, в глазах у него застыло мечтательное выражение.

– И тебя это не волнует, верно? Клянусь Громовержцем травы, я мечтал, как раздавлю тебя – столько раз мечтал! Говори, где моя Воршева, похититель детей. Ты хотя бы на ней женился?

Висок Джошуа кровоточил от удара. Он спокойно посмотрел Фиколмию в глаза.

– Мы не хотели жениться...

От нового удара голову Джошуа отбросило назад, из носа и верхней губы потекла кровь.

– Как же вы потешались над старым Фиколмием, сидя в вашем каменном доме, – прошипел марк-тан. – Ты украл мою дочь, сделал своей шлюхой и не заплатил ни одной лошади! Вы смеялись, так ведь? – Он влепил Джошуа сильную пощечину, и в воздухе рассыпались жемчужины крови. – Ты решил, что можешь собрать мой урожай и безнаказанно сбежать? – Марк-тан снова его ударил, но, хотя из носа Джошуа снова потекла кровь, он был мягче, с какой-то дикой симпатией. – Ты умный, Безрукий. Умный. Но Фиколмий тоже не мерин.

– Воршева... не... шлюха.

Фиколмий толкнул Джошуа на дверь фургона. Принц стоял, опустив руки и не пытаясь защищаться, когда марк-тан нанес ему еще два удара.

– Ты украл то, что принадлежало мне, – прорычал Фиколмий, так близко придвинувшись к принцу, что его борода прижалась к окровавленной рубашке Джошуа. – И как тогда ты ее назовешь? Для чего ты использовал мою дочь?

Джошуа, несмотря на синяки, ссадины и кровь на лице, сохранял поразительное спокойствие. Но сейчас, казалось, оно распалось на части, и на нем появилось невыносимое страдание.

– Я... плохо с ней обращался. – Он опустил голову.

Утварт вытащил меч из резных, украшенных бусинами ножен, и выступил вперед. Острие звякнуло о потолочную балку.

– Позволь мне его убить, – выдохнул он. – Медленно.

Фиколмий поднял голову и яростно прищурился. По его лицу тек пот, когда он перевел взгляд с Утварта на Джошуа и поднял кулак с крупными костяшками над головой Джошуа.

– Разрешите *мне*, – взмолился Утварт.

Марк-тан с такой силой ударил три раза в стену, что закачалась и зазвенела сбруя.

– Хотвиг! – проревел он.

Дверь фургона открылась, и вошел Хотвиг, который толкал перед собой стройную женщину. Они остановились на пороге.

– Ты все слышала! – прорычал Фиколмий. – Ты предала свой клан и меня... ради *этого*! – Он толкнул Джошуа в плечо, тот ударился о стену и сполз на пол.

Воршева разрыдалась. Сильная рука Хотвига упиралась ей в спину, когда она наклонилась, чтобы прикоснуться к принцу. Джошуа медленно поднял голову и рассеянно на нее посмотрел, хотя глаза у него уже начали заплывать и закрываться.

– Ты жива, – только и сказал он.

Она попыталась освободиться от руки Хотвига, он схватил ее сильнее и прижал к себе, не обращая внимания на ногти, царапавшие его руки, и успев отклониться в сторону, когда она потянулась к глазам.

– Хранители рэнда поймали ее на внешнем пастбище, – проревел Фиколмий и не сильно ударил дочь, разозлившись, что она сопротивляется. – Успокойся, вероломная сука! Мне следовало утопить тебя в Амстрейе, когда ты родилась. Ты еще хуже матери, а она была самой мерзкой коровой из всех, что я знал. Зачем ты тратишь слезы на этот кусок дерьма? – Он пнул Джошуа носком сапога.

На лице принца снова появилось серьезное выражение, он мгновение с холодным интересом смотрел на марк-тана, а потом повернулся к Воршаве.

– Я рад, что ты в безопасности.

– В безопасности! – Воршева пронзительно рассмеялась. – Я люблю мужчину, которому не нужна. А тот, который меня хочет, будет использовать, как племенную кобылу, и избивать всякий раз, когда я поднимусь с колен! – Она принялась вырываться из рук Хотвига и повернулась лицом к Утварту, который опустил меч острием вниз. – О, я тебя помню, Утварт! Я убежала, чтобы спастись от тебя, урод, насилующий детей или овец, если тебе не удастся поймать ребенка! От мужчины, который любит свои шрамы больше, чем когда-либо сможет полюбить женщину. Да я скорее умру, чем стану твоей невестой!

Помрачневший Утварт молчал, но Фиколмий фыркнул с угрюмым весельем.

– Клянусь Четырехногим, я уже почти забыл про зазубренный кинжал, которым природа наградила тебя вместо языка, дочь. Может, Джошуа для разнообразия получил удовольствие от моих ударов кулаками. Что же до того, что ты предпочитаешь, можешь убить себя, как только закончится брачный проезд, если тебе так хочется. А я желаю получить цену невесты и восстановить честь Клана Жеребца.

– Есть способы получше, чем убивать беспомощных пленников, – произнес новый голос.

Все одновременно повернулись – даже Джошуа, хотя он старался двигаться осторожно. На пороге стояла Джелой, она подняла руки к перемычке над дверным проемом, и ветер раздувал плащ у нее за спиной.

– Они сбежали из загона! – в ярости закричал Фиколмий. – Не двигайся, женщина! Хотвиг, седлайте лошадей и приведите назад остальных. Кто-то за это ответит по-настоящему!

Джелой вошла в фургон, в котором быстро стало тесно. Тихо выругавшись, Хотвиг промчался мимо нее и выскочил в темноту. Женщина-ведьма спокойно закрыла за ним дверь.

– Он найдет их в загоне, – сказала она. – Только я могу входить и выходить оттуда, когда мне вздумается.

Утварт поднял свой широкий клинок и приставил к ее шее. Желтые, со слегка опущенными веками глаза Джелой посмотрели в его глаза, и тритинг отступил, размахивая мечом, словно ему что-то угрожало.

Фиколмий озадаченно, сдерживая гнев, разглядывал Джелой.

– Что тебе нужно, старуха?

Освободившаяся от Хотвига Воршева проползла мимо Фиколмия и принялась вытирать лицо Джошуа своим потрепанным плащом. Принц мягко взял ее за руку, не давая к себе прикоснуться, когда Джелой снова заговорила.

– Я сказала, что прихожу и ухожу, когда пожелаю. Сейчас я хочу находиться здесь.

– Ты в моем фургоне, старуха. – Марк-тан вытер пот со лба волосатой рукой.

– Ты думал, что сможешь удержать Джелой в плену, Фиколмий. Глупо с твоей стороны. Однако я пришла дать совет в надежде, что у тебя гораздо больше здравого смысла, чем ты успел показать нам сегодня.

Казалось, Фиколмий сражается с отчаянным желанием ее ударить. Увидев его борьбу и напряженное выражение лица, Джелой кивнула и мрачно улыбнулась.

– Ты про меня слышал.

– Я слышал о дьяволице с твоим именем, которая прячется в лесу и крадет души мужчин, – проворчал Фиколмий.

Утварт стоял у него за спиной, поджав губы, которые превратились в тонкую линию, но с широко раскрытыми глазами, метавшимися по сторонам, словно он проверял, где находятся двери и окна.

– Я уверена, что до тебя доходило множество неверных слухов, – сказала Джелой, – впрочем, в них есть определенная правда, хотя и несколько перевранная. А истина заключается в тех, которые говорят, что со мной лучше не ссориться, Фиколмий. – Она медленно моргнула, совсем как сова, вдруг увидевшая кого-то маленького и беззащитного. – Я очень опасный враг.

Марк-тан подергал себя за бороду.

– Я тебя не боюсь, женщина, но и не связываюсь с демонами без уважительной причины. Ты мне не нужна. Уходи, и я не стану тебя трогать, но не вмешивайся не в свое дело.

– Ты болван, лошадиный лорд! – Джелой вскинула вверх руки, и ее плащ зашевелился, словно черное крыло. В этот момент за ее спиной распахнулась дверь, ворвавшийся внутрь ветер погасил светильники, и фургон погрузился в темноту, только огонь в яме сиял малиновым светом, точно дверь в преисподнюю. Кто-то испуганно выругался, но его голос почти заглушили стоны ветра. – Я тебе говорила, – крикнула Джелой. – Я хожу там, где пожелаю! – Дверь снова захлопнулась, хотя женщина-ведьма даже не пошевелилась. Ветер стих. Джелой наклонилась вперед, и беспокойное пламя отразилось в ее желтых глазах. – Что будет с этими людьми, *очень* даже меня касается – и тебя тоже, хотя ты слишком темный, чтобы понимать такие вещи. Наш враг является и твоим врагом, и он страшнее, чем ты в состоянии понять, Фиколмий. Когда он придет, он промчится по твоим полям, точно страшный пожар.

– Ха! – фыркнул марк-тан, но испуганные нотки не исчезли из его голоса. – Не нужно читать мне проповеди. Я все знаю про твоего врага, короля Элиаса. И он не больше мужчина, чем его брат Джошуа. Тритинги его не боятся.

Прежде чем Джелой успела ему ответить, раздался стук в дверь, которая тут же распахнулась, и на пороге появился Хотвиг с копьем в руке и озадаченным выражением на лице. Несмотря на солидную бороду, он был еще достаточно молодым человеком и посмотрел на женщину-ведьму с нескрываемым отвращением, когда заговорил с вождем.

– Пленники по-прежнему в загоне для скота. Никто из тех, кто снаружи, не видел, как эта женщина его покинула. Ворота заперты, в ограде нет никаких дыр.

Фиколмий махнул рукой и проворчал:

– Я знаю. – Взгляд марк-тана переместился на Джелой, он несколько мгновений задумчиво на нее смотрел, потом приказал Хотвигу: – Подойди. – И прошептал что-то ему ухом.

– Я все сделаю, – сказал Хотвиг и бросил нервный взгляд на Джелой, прежде чем снова выйти.

– Итак, – заговорил Фиколмий и широко улыбнулся, продемонстрировав почти все свои кривые зубы. – Ты считаешь, что я должен отпустить этого пса, чтобы он отсюда убрался? –

Он пнул Джошуа ногой, заработав мимолетный сердитый взгляд дочери. – А что, если я откажусь? – весело спросил он.

– Я уже тебе говорила, марк-тан, – прищурившись, ответила Джелой, – я опасный враг. Фиколмий хохотнул.

– И что ты сделаешь, я уже сказал моим людям убить пленников, если только я не приду к ним сам до следующей стражи и велю оставить их в живых? – Он с довольным видом похлопал себя по животу. – Я не сомневаюсь, что у тебя имеются заклинания, которые могут причинить мне вред, но сейчас мы приставили клинки к горлу друг друга, разве не так?

Утварт, находившийся в углу фургона, зарычал, словно его привела в невероятное возбуждение картина, нарисованная Фиколмием.

– О, лошадиный лорд, да защитят Боги мир от таких, как ты, – с отвращением сказала Джелой. – Я надеялась убедить тебя нам помочь, что принесло бы пользу тебе самому, как и многим другим. – Она покачала головой. – Теперь же, как ты сказал, мы вытащили на свет наше оружие. Кто знает, удастся ли убрать его обратно без множества смертей?

– Я не боюсь твоих угроз, – прорычал Фиколмий.

Джелой мгновение на него смотрела, потом взглянула на Джошуа, который по-прежнему сидел на полу и наблюдал за происходящим с удивительным спокойствием. Наконец она повернулась к Утварту, тот злобно нахмурился, ему совсем не понравилось, что она его изучает.

– Думаю, все же я могу оказать тебе одну услугу, марк-тан Фиколмий.

– Мне не...

– Молчать! – крикнула Джелой, и марк-тан смолк и сжал кулаки, а его покрасневшие глаза вылезли из орбит. – Законы Высоких тритингов. Я помогу тебе их обойти.

– Ты говоришь безумные вещи, дьяволица! – заорал он. – Я лорд всех кланов!

– Мне известно, что советы кланов не признают марк-тана, нарушившего древние законы, – ответила она. – Я вообще много знаю.

Фиколмий взмахнул рукой, и чаша, стоявшая на его табурете, с грохотом ударилась о дальнюю стену.

– Какой закон? Говори, какой, или я тебя удавлю, даже если ты сожжешь меня дотла!

– Законы цены невесты и помолвки, – она указала на Джошуа. – Ты намерен убить этого человека, однако он является женихом твоей дочери. Если другой... – она показала на мрачного Утварта, – хочет ее получить, он должен завоевать ее в поединке. Разве я не права, тан?

Ядовитая улыбка расплзалась по лицу Фиколмия.

– Ты перехитрила саму себя, надоедливая баба. Они не помолвлены. Джошуа сам это признал. Значит, я не нарушу никаких законов, убив его. Утварт готов заплатить мне цену невесты.

Джелой внимательно на него посмотрела.

– Они не женаты, и Джошуа не просил ее об этом. Тут ты прав. Но неужели ты забыл ваши обычаи, Фиколмий из Клана Жеребца? Существуют и другие причины заключения брака.

Фиколмий сплюнул на пол.

– Никаких, если не считать рождения... – Он не договорил и нахмурился, когда ему в голову пришла неожиданная мысль. – Ребенок?

Джелой молчала.

Воршева сидела, опустив голову и спрятав лицо за длинными волосами, но ее рука, глядившая окровавленную щеку принца, замерла, словно кролик, которого напугала змея.

– Это правда, – сказала она наконец.

Лицо Джошуа превратилось в сложную картину чувств, которые было трудно разгадать из-за синяков и порезов.

– Ты?.. Как давно ты знаешь?.. Ты ничего не говорила...

– Я узнала перед самым падением Наглимунда, – ответила Воршева. – Я боялась тебе сказать.

Джошуа посмотрел на слезы, которые прокладывали новые дорожки на ее грязном лице, поднял руку, быстро коснулся пальцев Воршевы, уронил руку на колени, затем перевел взгляд с Воршевы на Джелой. Женщина-ведьма долго не сводила с него глаз, и казалось, между ними произошел какой-то разговор.

– Клянусь Четырехногим, – наконец удивленно проревел Фиколмий. – Брак из-за ребенка, так получается? Если, конечно, это его ребенок.

– Ребенок *его*, свинья! – яростно вскричала Воршева. – И не может быть ничьим еще!

Утварт вышел вперед, позвякивая пряжками сапог. Острие его опущенного меча вонзилось на полдюйма в деревянную половицу.

– В таком случае поединок, – заявил он. – До смерти. – Он осторожно посмотрел на Джелой. – Приз – дочь марк-тана.

В глазах Джошуа появилось жесткое выражение, когда он ответил:

– Да услышит нас Бог.

Деорнот посмотрел на разбитое лицо принца.

– Утром?! – вскричал он так громко, что один из стражей нахмурился. Тритингам, кутавшимся в тяжелые шерстяные плащи, чтобы согреться, совсем не нравилось, что им выпало стоять на страже около обдуваемого всеми ветрами загона для скота. – Почему бы просто не взять и не убить вас?

– Это шанс, – сказал Джошуа и отчаянно закашлялся.

– Какой такой шанс? – с горечью спросил Деорнот. – Разве сможет однорукий мужчина, да еще избитый до полусмерти, встать утром и победить великана? Великодушный Эйдон, жаль, что я не могу добраться до этой змеи Фиколмия...

В ответ Джошуа сплюнул на землю сгусток крови.

– Принц прав, – вмешалась Джелой. – Это шанс. Все, что угодно, лучше, чем ничего.

Женщина-ведьма вернулась в загон, чтобы позаботиться о Джошуа. Стражники быстро расступились в стороны, пропуская ее: слух о ней уже прокатился по лагерю. Дочь Фиколмия с ней не пришла. Воршеву с еще не высохшими слезами от гнева и печали заперли в фургоне отца.

– Ведь преимущество было на вашей стороне, – сказал Деорнот женщине-ведьме. – Почему вы не нанесли удар? Почему позволили прислать сюда стражников?

Желтые глаза Джелой сверкнули в свете факелов.

– У меня не было никакого преимущества. Я уже тебе говорила, что не могу применять боевую магию. Да, я сумела выбраться из загона, но все остальное было самым обычным блефом. А теперь помолчи о том, чего не знаешь, и не мешай мне использовать мои умения как полагается. – И она снова повернулась к принцу.

«Интересно, *как* ей удалось выбраться отсюда? – спросил себя Деорнот. – Вот она расхаживала в тених в дальнем углу загона, а в следующее мгновение исчезла».

Он покачал головой. Спорить с ней не имело смысла, а в последнее время от него не было вообще никакого проку.

– Если я могу как-то помочь, мой принц, вам нужно только попросить. Он опустил на колени и мельком взглянул на женщину-ведьму. – Простите меня за необдуманные слова, валада Джелой.

Она фыркнула, принимая извинения. Деорнот встал и отошел в сторону.

Остальные измученные члены их отряда сидели у другого костра. Тритинги, которым было не совсем чуждо сострадание, дали им ветки, чтобы они смогли развести огонь. «Они, конечно, не лишены сочувствия, – подумал Деорнот, – но и не глупы. Такая жалкая растопка

даст немного тепла, но ее невозможно использовать как оружие, если, например, поджечь». Мысль об оружии заставила его задуматься, когда он уселся между Санфуголом и Стрэнгъярдом.

– Как отвратительно все заканчивается, – сказал он. – Вы слышали, что произошло с Джошуа?

Стрэнгъярд вскинул вверх худые руки.

– Они необразованные варвары, эти жители лугов. Мать Элизия, я знаю, что в глазах Бога все люди равны, но то, что они сотворили, настоящее зверство! Я хочу сказать, что даже невежество не может служить оправданием такого... – Он разволновался и замолчал.

Санфугол сел, морщась от боли в ноге. Любой, кто его знал, был бы потрясен: арфист, который прежде выглядел безупречно и одевался так тщательно, что иногда это вызывало улыбку, был грязным и оборванным, точно бездомный бродяга.

– А если Джошуа умрет? – тихо спросил он. – Он мой господин, и я его люблю, наверное, но, если он погибнет... *что станется с нами?*

– Если нам повезет, наше положение будет немногим лучше, чем у рабов, – сказал Деорнот, и у него появилось ощущение, будто эти слова сорвались с чужих губ. Он чувствовал себя совершенно опустошенным. Как могло до такого дойти? Еще год назад мир был привычным, точно кусок хлеба на ужин. – Если *не*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.